

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Революционная
фантастика

лучшие рассказы конкурса
«Революция»

Конкурс Квазар

Коллектив авторов

**Избранные. Революционная
фантастика**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Избранные. Революционная фантастика / Коллектив авторов —
«Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-902611-8

«Мне 39 лет, и я думал, что после тысяч прочитанных фантастических романов меня сложно чем-либо удивить. Тем не менее... оказывается, новых сюжетов до сих пор хватает с избытком, причём менее известные авторы даже выигрывают в оригинальности у своих слегка забронзовевших от известности коллег. Рассказы весьма воодушевили... авторы нарисовали по большей части интригующее и манящее будущее, в котором хотелось бы если не жить, то хотя бы побывать в качестве туриста». Олег Макаренко, член жюри.

ISBN 978-5-44-902611-8

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Вступительного слово представителя жюри конкурса «Революция»	7
Настоящая румба	8
Фарфор	21
Над всей Испанией безоблачное небо	34
Два призрака и НКВД	43
Леополис-64: Под знаком Муравейника	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Избранные Революционная фантастика

Дизайнер обложки Алексей Жарков

Иллюстрации Виктория Кравчук

Иллюстрации Любовь Запривода

Иллюстрации Юля Романова

Иллюстрации Александр Павлов

Иллюстрации София Протосовицкая

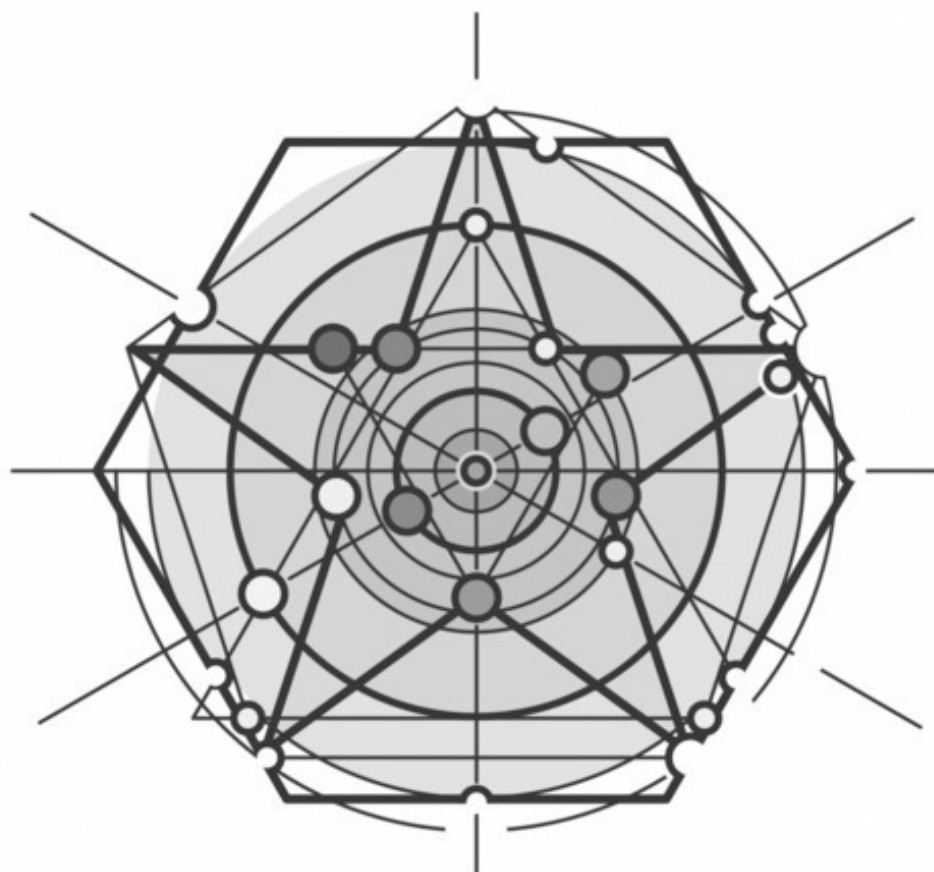
Иллюстрации Станислав Росовецкий

Составитель Алексей Жарков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2611-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Вступительного слово представителя жюри конкурса «Революция» Олега Макаренко

Мне 39 лет, и я думал, что после тысяч прочитанных фантастических романов меня сложно чем-либо удивить. Тем не менее, конкурс социально-политической фантастики «Революция» застал меня врасплох. Я ощутил себя в шкуре комиссара патентного ведомства США, который согласно легенде заявил в 1899 году, что его работа теряет смысл, так как всё, что только может быть изобретено, уже изобретено.

Оказывается, новых сюжетов до сих пор хватает с избытком, причём менее известные авторы даже выигрывают в оригинальности у своих слегка забронзовевших от известности коллег. Рассказы весьма воодушевили – несмотря даже на объяснимые технические проблемы с лёгкостью слога и связностью повествования. Авторы нарисовали по большей части интригующее и манящее будущее, в котором хотелось бы если не жить, то хотя бы побывать в качестве туриста.

Пожалуй, мы должны также поблагодарить последние 30 лет нашей истории за выход из моды уголовного флера и революционной романтики. Авторы прошлого – будь то наши родные Стругацкие, бессмертный Хайнлайн или, допустим, сценаристы «Звёздного пути» – считали революционеров по умолчанию героями, безусловно сражающимися за правое дело, и безусловно полезными членами общества. Эта благородная репутация борцов за свободу была жестоко разрушена реальными событиями: горбачёвская Перестройка, Арабская весна и прочие катастрофы нашего времени наглядно показали похмельную изнанку пьянящего ветра перемен.

К сожалению, у меня нет причин надеяться, что поумневшее общество сумеет на этот избежать революционного капкана. Революции неизбежны: как в странах с менее опытным и более инфантильным населением, так и в много уже испытывавшей России. Генералы, как верно заметил зловещий Черчилль, всегда готовятся к прошлой войне. Я убежден, что власть и спецслужбы могут во всеоружии отразить удар покупающих баррикады барракуд, однако мало кто прорабатывает всерьёз планы отражения атаки нового типа – атаки быстрого технологического прогресса.

Система боевых лайков, которую так красочно выстроил Артём Гаямов в своём «Правильном выборе», уже на подходе, китайцы уже в ближайшие годы собираются развернуть нечто подобное во всём своём полуторамиллиардном государстве. «Второй исход и уцелевшие» Владислава Кукреша ставит человечество во вполне реальную ситуацию масштабного вымирания, которое может быть вызвано в ближайшие десятилетия целым набором техногенных факторов.

За скобками конкурса остаются идущие прямо сейчас опасные эксперименты с редактированием генома, с массовой роботизацией и со сверхсильной стимуляцией единой финансовой системой планеты.

Всё идёт к тому, что скоро нас ждёт даже не одна, а несколько революций, которые изменят наше общество до неузнаваемости. Надеюсь, что человечество сумеет пройти через них без серьезных увечий, и что нам не придётся через 20 лет вспоминать о 2018 году как о добрых старых временах, когда мы еще могли надеяться на лучшее.

***Олег Макаренко** – создатель проекта «Руксперт», топ-блогер Живого Журнала. Бизнесмен, петербуржец, автор некоторого количества статей и трудов по искусству ведения дискуссий.*

Настоящая румба

Дарья Рубцова

Солнце было повсюду.

В воде, в воздухе, в белесом выцветшем небе, растянутом над головами как старая простыня.

Марита сдвинула очки на лоб, с ненавистью посмотрела вверх – простыня и есть, целый день сушится на ветру и все никак не может просохнуть. Впрочем, неудивительно при такой влажности.

– Могу я предложить сеньорите мохо?

Рауль. Безмятежный, улыбчивый, с неизменной сигарой в уголке рта. Так похож на брата, только без бороды и какой-то... более утонченный что ли. Сверкнул шутовскими глазами, склонился, протягивая ей поднос. И она невольно сглотнула, оценив предлагаемый набор: блюдечко с нарезанным лимоном, запотевший увесистый графинчик, сахарница без крышки, полная крупных коричневых кубиков. И два высоких стакана.

Отвернувшись, она мрачно уставилась в залитую солнцем синеву за бортом.

– Когда приедет команданте?

Рауль вздохнул, передал поднос проходившему мимо матросу и театрально развел руками:

– У команданте много дел... Может, кто-то другой может скрасить ваш досуг? Например, я – как вам я?

Марита невольно усмехнулась. Вот ведь фразочка, «как вам я?», коряво и двусмысленно, но таким серьезным тоном. Он и тогда повторял ее все время. «Как вам я?» И при первом знакомстве, и в больнице, и в последний день, провожая ее в порту. Она покосилась на него через плечо – а ведь ничуть не изменился, словно и не было этих лет.

Все такой же юный: тонкий, ясноглазый, белозубая улыбка и безупречные манеры. Кажется, даже моложе стал. Может, и правда, магия хранит безумных братьев?

А что, пьют по утрам эликсир молодости... или напиток бессмертия... или что там положено пить колдунам, по мнению Лансдейла.

– Я не шучу. Магия существует, многие народы давно и успешно пользуются ей, и только мы, европейцы, все еще пытаемся отрицать очевидное. Прячемся в раковину своего рационального подхода, как жалкие устрицы... пока террористы и мятежники порабащают людей, устанавливая военные режимы!

Глаза его были прозрачными и злыми, губы под тонкими усиками кривились в гримасе ненависти. Потом он потрянул головой, вернул на лицо маску вежливого сочувствия.

– Вы можете не верить, это не важно. Важно лишь, что мы с вами действуем во имя благой цели. Победить мерзавца, под гнетом которого стонет ни в чем не повинный народ.

– Мистер Лансдейл...

– Эдвард. – Протянул руку, накрыл ее ладонь своей, доверительно заглядывая в глаза. – Зовите меня Эдвардом.

– Мистер Лансдейл... Эдвард... я ведь уже согласилась. Вам известны мои мотивы, мне известны ваши, не будем играть словами. Магия? Что ж... он умеет убеждать. Умеет влиять, подчинять, навязывать свое мнение. Влюблять в себя, не только женщин, кстати... Похоже, теперь ему удалось влюбить в себя целый народ. Можно назвать это магией, можно – даром убеждения, харизмой. Нам это не важно, ведь так? Я сделаю все, что вы скажете.

Лансдейл кивнул и убрал руку. Откинулся в кресле, не спуская с нее глаз.

Она стиснула зубы, встретив его взгляд, и вдруг поймала себя на мучительном, почти нестерпимом желании отказаться. Вот прямо сейчас, встать и уйти – возможно ли это? Позволит ли этот странный белобрысый парень покинуть комнату? Или щелкнет пальцами, и на ее шее мгновенно захлестнется удавка?

«Соберись, – приказала она себе мысленно, – отступить уже поздно».

– Что вы сказали? – он наклонился вперед, заметив движение ее губ.

– Ничего, – она покачала головой. – Это неважно. Но нам нужно продумать все до мелочей. Давайте обсудим еще раз, поверьте, это не тот человек, которого легко обмануть или запутать.

– Хорошо, – он нахмурился, откинул с лица светлую челку. – Обсудим еще раз.

– Капитанская дочка?

Она вздрогнула и обернулась.

Ослепительно-белая рубашка, и улыбка в тон. Старший брат заметно постарел. Или это образ такой, непривычный – она и не помнила уже, когда видела его не в военной форме. Похудел, зарос, борода просто неприлично длинная... и лишь глаза прежние, все так же горят тайным безумным огнем.

– Марита. Королева ночей... очей, я хотел сказать. Рад приветствовать тебя на этом прекрасном судне.

– Это не твое судно. – Она шагнула ему навстречу.

– А я разве сказал, что мое? Я сказал лишь, что приветствую, и что рад. Жаль, что ты не захотела сойти на берег.

Она протянула ему руку и он пожал ее, крепко, как мужчине.

– Как отец?

Марита покачала головой. Нет, нельзя позволять ему вести разговор – закружит, запутает.

– Как жена?

Он ухмыльнулся, поднял вверх большой палец.

– Хорошо парировала, молодец. Жена отлично, здорова и весела. А вот брат грустит.

– Вот как? – Она оглянулась, но Рауль уже куда-то испарился.

– Да. Скучает очень. По тебе.

– Ясно. – Засмеялась, отступила на шаг назад, вынуждая его последовать за ней. – Но теперь-то все в порядке? Я же здесь, – и мысленно: «Давай, команданте, давай, танцуй со мной. Шаг, еще один... в ритме. Три шага на четыре такта – румба, твоя любимая». – Слушай, он мне тут мохо предлагал... ты как насчет выпить?

Он усмехнулся.

– Мохо пусть дамочки пьют. А я тебе ром привез, самый лучший.

И она не сумела удержаться от гримасы ярости. Как в тот день.

– Брат передает вам ром

Рауль отводил руку в сторону, держал бутылку за горлышко, подальше от себя – словно змею.

– Предлагает напиться и все забыть? Где он? – она попыталась поймать его взгляд. – Где? Я тебя спрашиваю, чертов сукин сын, где команданте?! – сорвалась на крик, не выдержала, понимая, что фактически «закатывает сцену», как те самые часто упоминаемые команданте «дамочки».

Младший вздохнул.

– Он занят. Вы же знаете, команданте не принадлежит ни себе, ни вам. Кто-то другой может составить вам компанию? Например, я – как вам я?

Она отвернулась.

– Простите... простите за срыв... Но я не видела его уже месяц. Месяц, Рауль! Я... я тут совсем одна! Я ребенка потеряла, вы это понимаете?

– Помню. – Поставил бутылку, осторожно коснулся ее плеча. – Думаете, я мог забыть? И брат помнит. Он скорбит, как и вы, поверьте. Но сейчас у него просто нет возможности проводить время с вами, ситуация очень тяжелая. Страна фактически в руинах...

– Перестаньте, – она вскинула ладонь вверх, пытаясь отгородиться от него. – Перестаньте мне повторять эти его слова. Страна в руинах, население за гранью бедности... и все прочее. Раньше это не мешало ему проводить со мной время.

– Мешало и раньше. Но команданте такой человек, он, бывает, теряет голову... и все-таки однажды настает момент, когда приходится наступить себе на горло и вернуться к делам.

Марита усмехнулась, стараясь сдержать злые, рвущиеся наружу слезы.

– Себе? Он мне на горло наступает, мне!

Взяла бутылку, покачала в руке. И вдруг подумала, как приятно было бы сейчас разбить ее о чью-то голову. Например, о голову Рауля.

– Что же мне делать? Уезжать? Убраться отсюда к чертовой бабушке... как вы думаете, Рауль?

Он пожал плечами, улыбнулся примирительно.

– Можно уехать, а можно и остаться. На Острове свободы много мужчин...

– Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь...

Они сидели в ее каюте, на диванчике. Рядом, почти соприкасаясь локтями, и все-таки далеко друг от друга – она отчетливо чувствовала это. В разных мирах.

– Помню, помню. Так постоянно говорил один офицер в романе русского писателя Пушкина.

– Поэта. Русского поэта.

– Ты говорил, писателя... погоди, так это роман в стихах?

Он усмехнулся, подвинул друг к другу круглые пузатые рюмки.

– Это роман в прозе. Но написал его поэт. Русские – загадочный народ... Кстати, герой был отрицательный, и он оскорблял девушку этой фразой, представь себе. Для русских есть что-то оскорбительное в ночных прогулках.

Она прищурилась.

– Ты хочешь меня оскорбить?

– А разве ты русская?

Плеснул в рюмки еще рома, наклонился к ней, заглядывая в глаза. И она невольно отодвинулась – там, на дне его глаз, клубилась тьма. Горячая, живая. Голодная.

– На сколько мне известно, нет.

– Это хорошо. Тогда не слушая меня и гуляй. Гуляй, капитанская дочь! – Поднес рюмку к ее губам, заставляя выпить. И неожиданно:

– Давай потанцуем.

Марита поперхнулась, закашлялась – ром? Да это какое-то адское зелье! – и с трудом выдавила улыбку.

– Без музыки?

– Почему «без»? Мое сердце стучит в ритме румбы, разве ты забыла?

Он взял ее за руку, прижал ладонь к своей груди.

И она услышала. Тук... тук, тук. Раз... два, три. Три стука на четыре такта, все верно – настоящая румба.

– Ваши европейские сердца пугливы, они стучат все время одно и то же: тик-так, тик-так, отсчитывают секунды, боясь сменить ритм. Поэтому и умирают рано – изнашиваются от монотонной работы. Заканчивают жизнь, как и начинали: в безнадежных попытках убежать от времени... А сердца кубинцев свободны и вольны танцевать.

Она облизала губы и попыталась отнять руку.

– Ну да, теперь. После революции. Раньше-то было не до танцев, сплошное угнетение и рабство. А теперь все вольны и все танцуют... так?

– Почти, – он перестал улыбаться. Сдавил ее руку, словно тисками. – Почти так, капитанская дочка, но не совсем. На самом деле сердца кубинцев танцевали всегда: и тогда, когда их владельцы голодали, и когда погибали от пуль. Мы не можем иначе, никто не заставит нас склониться и замереть. Но знаешь, это были невеселые танцы.

– В оковах голода и каторжного труда, – подсказала она с вызовом и внутренне усмехнулась – а ведь ей удастся. Не так уж и сложно, оказывается, сбивать команданте с толку, уводить разговор в сторону. Сейчас он заведется...

– Ты смеешься, капитанская дочка? Тебе смешно. Ты ведь не знаешь, как здесь жили раньше, – его глаза сверкнули гневом, казалось, тлеющие в них искорки разгораются в жаркое пламя. – Тридцать процентов населения не знали алфавит, а образованными были только десять процентов. Семьдесят процентов голодало, и всего пять – были сыты. Люди рождались и жили в грязи, а умирали от болезней, которые современная медицина давно уже научилась лечить. Везде, но не на Кубе... С тех пор многое изменилось. Мы построили школы и больницы, мы создали много рабочих мест, а для тех, кто все еще не нашел работу, существует пособие. Когда у тебя есть работа и кров, есть возможность учиться и осваивать новые профессии, когда государство заботится о твоей безопасности и здоровье – представляешь, какие начинаются танцы? Совсем другие. Веселые и свободные. Жаркие... кстати, о танцах...

Она поспешно перебила:

– Скажи, а разве раньше не было ничего хорошего? Нет ли чего-то, о чем ты жалеешь?

Он задумался. Потом медленно кивнул и снова заулыбался.

– Да. Знаешь, с чем у нас был полный порядок? Со шлюхами. Более ста тысяч женщин вынуждены были продаваться, чтобы прокормить себя и детей. А теперь все они хотят получить образование и работать на приличной работе. На приличной работе, вот так. А что же делать мужчинам? Многие ведь страдают без продажной любви. Они и рады бы заплатить, готовы выложить свои кровные, но нет. «Que va, любовь! – отвечают им женщины насмешливо. – Забери свои деньги, cabron, я не продаюсь». Это радует. Но немного и печалит. Нет, я не такой, я никогда не платил женщинам, но... – он небрежно положил руку на ее колено, –

но. Ты все отстраняешься, моя морская королева, все дрожишь. Словно чайка на холодных волнах. А мое сердце, между тем, колотится все сильнее. Я обещал тебе румбу.

Марита прикрыла на минуту глаза, стиснула зубы. С каждой минутой, с каждым его словом ее все больше затягивало в водоворот.

Он расстегнул рубашку, усмехнулся.

– Сердце звучит, как гром...

Она протянула руку, послушала снова неровный ритм. Раз... два, три. Черт, как это у него получается? – и пожала плечами.

– Ну, не знаю. Здесь совсем нет места, да я и не в настроении танцевать. А в Калифорнии, например, мужчины танцуют румбу в одиночестве. Просто выходят на сцену и танцуют, сами с собой, партнерши им не нужны.

Он тихо засмеялся.

– Мало ли, что в Калифорнии. Не говори мне об этих американцах, они, может, и любовью сами с собой занимаются, что нам до них. – Надвинулся, окутанный запахами табака и рома, прижал ее к себе. – Настоящую румбу танцуют только вдвоем, а места тут достаточно. Потуши свет.

Свет. Такой яркий, что сразу заболели глаза. Серый набухший от влаги потолок в уродливых темных пятнах.

– Сеньорита...

Рауль? Она повернула голову, протянула ему руку. Он подошел, похудевший, осунувшийся, с ввалившимися глазами. Что с ним? Щетина на подбородке – не меньше трех дней... так сколько же она...

– Где я?

Младший открыл было рот, но он сразу перебила, заторопилась, с трудом выплевывая слова.

– Нет, я не то хотела... я хочу сказать... где же? Все ли... в порядке...

Посмотрела в его бледное лицо, задохнулась.

– Мне очень жаль.

Рауль опустил голову и тяжело вздохнул

– Врачи сделали все, что могли, но... наша медицина еще не достаточно хороша. Брат просил передать, что вы должны быть сильной. Ради него и ради себя.

Она попыталась сесть и только сейчас почувствовала боль.

– Нет, – он осторожно прижал ее к кровати, – вам нельзя пока вставать, швы могут разойтись... Все пройдет, сеньорита, все образуется.

Марита отвернулась, запрокинула голову. Потолок расплывался, пятна на нем плавись и стекали ей на лицо.

– Я хочу его видеть, – выдавила она, пытаясь сдержать рыдания.

– Как, разве вы не поняли? Ребенок... умер.

Она стиснула зубы.

– Не ребенка, Фиделя

– Увы. Пока команданте не может прибыть. Но сердце его с вами.

«Сердце его с вами». И со всем его народом: с каждой дояркой, с каждым рыбаком в порту. Он для всех – такой большой и сильный, благодушное божество, готовое дарить любовь всему миру. Но не одной единственной женщине.

– Проснулся?

– Как видишь, – он привстал и картинно потянулся. – Как видишь, моя морская королева. А ты, я смотрю, уже завтракаешь?

Она усмехнулась.

– Нет, я уже пью.

И протянула ему полную до краев рюмку.

– Ох... ром. На завтрак. Сейчас лучше было бы заварить матэ...

– Матэ пусть дамочки пьют, – отрезала она. – А ты привез мне ром, самый лучший.

Он засмеялся и взял рюмку из ее рук.

– Это так. Но ты должна быть осторожна, так и алкоголичкой недолго стать. Правда, правда. Кто научил тебя пить ром по утрам? Это все твои калифорнийцы, наверняка они. Не умеют любить женщин, вот и учат плохому... ладно, молчу. Молчу.

Она смотрела, как он пьет и чувствовала, что ее собственное сердце тоже начинает стучать в ритме румбы. Тук... тук, тук. Все. Вот и все.

– Скажи, – отвернувшись, она осушила свою рюмку до дна, закашлялась, – если бы твоя жизнь должна была оборваться прямо сейчас – о чем бы ты думал? Радовался бы, что уходишь на пике славы, или грустил, что еще так многого не успел?

– Славы... – он медленно встал с дивана, приблизился, положил руку ей на плечо. – Она относительна. Человечество может исчезнуть, солнце может перестать светить... так чего стоит слава?

– Значит, грустил бы?

– Зачем грустить? Я многое успел. Могу сказать без лишней скромности, мне в жизни удалось сделать в десять раз больше, чем кому бы то ни было. Но я еще не скоро умру, Марита.

Его рука медленно двинулась вниз.

– Как знать. – Она усмехнулась. – Тогда другой вопрос, а боялся бы ты? Того, что ждет тебя после смерти?

– Ох. Какие у тебя сегодня вопросы... Нет, не боялся бы. Я никогда не был верующим... возможно, из-за тех методов, которыми пользовались учителя в школе, пытаюсь убедить меня в существовании Бога... до сих пор считаю, что после смерти ничего не будет. И все же я умру не скоро.

– А я думаю, сегодня.

Она подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза – два горящих черных огонька.

– Почему? Только лишь потому, что ты подсыпала яд мне в рюмку? Пф-ф, капитанская дочь, не будь такой глупой.

Приготовленные слова застряли у нее в горле, она отшатнулась, пытаясь сбросить его руку, но он вдруг схватил ее за горло и наклонился, дыхнул перегаром в лицо.

– Меня нельзя убить. Разве мистер Лансдейл не объяснил тебе это? Они уже раз тридцать пытались, и все без толку. Думаю, он знает, почему.

– Ты... – она захрипела, задергалась, и он отпустил ее, выпрямился, мрачно глядя сверху вниз.

– Я бессмертен, капитанская дочь. Бессмертен.

«Магия существует!» – в памяти всплыло перекошенное лицо Лансдейла, его глаза, горящие фанатичным блеском. «И только мы, европейцы...»

– Это смешно. – Марита встала и подошла к дивану.

Сумочка, вчера она лежала здесь... где же?

– На полу, – подсказал он вежливо, тоном, от которого по ее спине мгновенно потек холодный пот. – Я сбросил ее на пол вчера. Смотри, вон, возле ножки.

Она наклонилась, дрожащими руками раскрыла сумочку.

– Браунинг? Девятьсот шестого? – он засмеялся, но в голосе не было веселья. – А я думал, их давно не выпускают. Что за ничтожные люди, они даже не достали тебе нормальное оружие.

Марита выпрямилась и обернулась. Прицелилась в этот ненавистный широкий лоб, чуть выше переносицы. Стрелять? Нужно стрелять, но, Боже, почему так трудно...

– Предохранитель слева на рамке, – команданте стоял спокойно, сложив руки на груди. Лицо его было... не злым, нет, но искаженным, словно от боли: уголки рта подергивались, глаза горели ровным огнем.

Она сняла браунинг с предохранителя, снова прицелилась. Почему он не пытается помешать ей? Не верит?

– Стреляй, капитанская дочь!

Прогремел выстрел, рука дернулась. Марита зажмурилась на мгновение и, когда открыла глаза, чуть не вскрикнула – он стоял целый и невредимый, ни царапины. Даже позу не переменил.

– Еще раз. Целься точнее. А лучше, подойди ближе, приставь дуло прямо мне к лбу. У тебя руки трясутся, ты иначе не попадешь.

Вот как? Как ни странно, эти его слова задели ее, заставили выйти из ступора, вызвав волну ярости. Не попаду?

Она сделала шаг. Еще. И приставила браунинг к его лицу.

– Не страшно? Кровь же забрызгает все вокруг. И руки твои, и личико. – Он оскалился, наклонился вперед, огромный и жуткий, борода вздыбилась, словно живая.

– Ну, давай. Докажи, что не боишься испачкаться. Стреляй.

Она закричала одновременно с выстрелом, ожидая увидеть круглое кровавое отверстие в его лбу. Но он даже не дернулся. И, казалось, ни один мускул не дрогнул не го лице.

– Я... – горло перехватило от ужаса, – я попала, точно. Где же пуля? Я...

– Исчезла, – он пожал плечами. – Просто исчезла, так бывает. А бывает, что рана остается, но почти сразу затягивается. Попробуй еще. Сколько у тебя там патронов? Используй все.

Марита опустила пистолет, отступила назад. Потом вскинула руку и снова выстрелила. На этот раз пуля точно вылетела из ствола, но попала почему-то в тумбочку возле дивана, намного левее от того места, где стоял команданте.

«Сейчас прибежит охрана, – подумала она отстраненно, как о чем-то постороннем. – Или Рауль. Должен же кто-то услышать выстрелы и прийти ему на выручку».

Голова ее вдруг закружилась, ноги подкосились, и пол ушел из-под ног.

– Тихо, тихо, – он подскочил, обнял, прижал ее к себе. Потом осторожно усадил на диван. – Все закончилось, все. Не паникуй.

– Ты... – зубы ее стучали.

– Выпей, – в ноздри ударил запах рома – рюмка оказалась у самого лица.

Она давилась, глотая обжигающую жидкость.

– Меня нельзя убить, я же сказал. Лансдейл пытался уже раз двадцать. А до него еще много раз пытались... а когда мы делали революцию, знаешь, сколько раз я был на волосок от смерти? Все без толку, она меня обходит. Я заговорен.

Марита поставила рюмку, откинулась на спинку дивана.

– И... кто же заговорил тебя?

Он вздохнул.

– Сложно сказать. Я и сам до сих пор не знаю... Что ж, если ты уже пришла в себя, расскажу. – Сел возле нее, наклонился вперед, упираясь локтями в колени, задумался.

– Это было в пятьдесят шестом. Через три дня после высадки в Лос-Колорадос... Ты наверняка слышала эту историю – яхта «Гранма», восемьдесят два бойца на борту, и ужасный шторм, внезапно налетевший на нас у побережья. Франк ждал подкрепления в Сантьяго-де-Куба, нам нужно было высадиться и двигаться ему на помощь... но мы не могли. Не могли даже причалить – яхту болтало там, как жалкую щепку, и пытаться добраться до берега было бы чистым самоубийством. В итоге, когда мы все-таки высадились, люди Франка были уничтожены. Все до одного, Батиста просто раздавил их... А мы, восемьдесят два опоздавших неудач-

ника, уже не представляли для него угрозы и должны были в скором времени отправиться вслед за Франком.

Он покачал головой, лицо исказила гримаса страдания, видно было, что воспоминания до сих пор причиняют ему боль.

– Ничего не оставалось, как разделить на маленькие отряды и по отдельности пробираться к Сьерра-Маэстре – в горах нас не так-то просто было обнаружить, и оттуда можно было начинать революцию сначала. Эрнесто повел один отряд, я другой... через три дня псы Батисты нашли нас. Представь, – команданте прикрыл глаза, повел рукой по воздуху, словно обрисовывая видимую только ему картину, – маленькая деревня, всего два десятка домов. Люди попрятались, заперли двери, так пустынно... Солнце палит с небес, словно адский огонь. И звуки выстрелов, как похоронный марш всем надеждам.

Мы отступали, пытались прятаться за домами, но они брали нас в кольцо, и времени оставалось мало. Пуля попала мне в плечо... я чувствовал эту боль, но боль в сердце была сильнее. «Все кончено, кончено, кончено, – крутилось у меня в голове. – Ты проиграл». Я не знал, сумеет ли Эрнесто начать все сначала без меня, и не знал даже, жив ли он. Рауль был слишком молод, на него надежды не было... Мне казалось, что революция заканчивается навсегда, и от этого чувства бессилия хотелось кричать. Потом я услышал голос...

Он открыл глаза и невидяще уставился в стену.

– Старческий женский голос, такой насмешливый и неожиданно бодрый. «Эй, барбудо, – сказала эта женщина, – ты помираешь, что ли?» Я оглянулся и увидел, что рядом со мной стоит маленькая седая старушка. Совсем крошечная, карлица, наверное. Она улыбалась, но как-то ехидно, зло. Казалось, наше положение веселит ее. «Пока нет, – ответил я в пику ей, хотя, конечно, так оно на самом деле и было. – Пока нет, я жив, и собираюсь пожить еще. Ну, хотя бы пару минут. А тебе стоит спрятаться, эти собаки не посмотрят, что ты маленькая и старая, они убьют тебя за компанию с нами». Она засмеялась. «Нет, барбудо, меня они убить не смогут. Ведь я не человек». Я решил, что она сумасшедшая... после прихода Батисты к власти, военные творили в деревнях настоящие зверства, и немудрено было повредиться рассудком. Я улыбнулся ей, не желая спорить, и прислонился к стене дома, ожидая врагов. Но она не уходила, и, казалось, чего-то ждала от меня. «Вижу, что ты хороший парень, – сказала она, наконец, как бы в задумчивости. – И помирать тебе пока рано. Но у меня есть вопрос: если ты не умрешь сегодня, и не умрешь еще много-много лет, как ты распорядишься своей жизнью?» Странно было пускаться в философские дискуссии с этой маленькой крестьянкой, там, на солнцепеке, находясь на волосок от смерти. Но я ответил ей, не раздумывая.

«Я продолжу бороться. Буду биться с врагами, пока на Кубе не воцарится справедливость. Я соберу товарищей и мы построим тут новое, совершенное общество. Я знаю, что для этого нужно делать, а чего не знаю, тому научусь. И потом я продолжу свою битву, и буду бороться со всем миром, если понадобится, пока революция не охватит весь земной шар. И пока во всем мире не воцарится справедливость». Так или почти так я ей ответил, даже прокричал, на одном дыхании, без запинки. Я знал, что всему этому не суждено сбыться, и эмоции захватили меня. Тогда она засмеялась и кивнула. «Хорошие слова, барбудо. Глупые, но хорошие. Все это звучит смешно, и ты, конечно, мог бы выразиться более толково, у тебя же высшее образование, да? Ты ведь юрист». Тут я вздрогнул и посмотрел на нее с изумлением, и она вдруг показалась мне намного выше ростом, чем была только что. «Ты не так прост на самом деле, – продолжила она и надвинулась на меня, начиная расти прямо на глазах, – и не так уж и добр. Но в тебе есть правда. И сила. И смелость. Думаю, пришло время, когда ангелы смерти должны сражаться не только на стороне зла, но и на стороне добра». Тут она протянула мне открытую ладонь, на которой лежал прозрачный светло-розовый камень. «Возьми, – она усмехнулась и положила этот камень прямо в нагрудный карман на моей рубашке. – Пусть это будет твоим талисманом. Береги его – пока он будет с тобой, ты будешь жив, кто бы ни захотел

лишить тебя жизни. Но смотри, не давай его в руки своим врагам, если они уничтожат камень, уничтожат и тебя». В этот момент выстрелы стихли, и слова ее прозвучали громко, неожиданно громко и четко. Я встал и увидел, что ростом она уже с меня, а ведь только что казалась карлицей. Признаюсь тебе, я растерялся. Стоял там и бестолково топтался на месте, не понимая, что происходит, и что за создание вижу перед собой. А вокруг была тишина. Потом старуха шагнула назад, за дом. И исчезла, словно растворилась в воздухе, только камень в моем кармане остался доказательством того, что мне не померещился этот разговор.

В тот день... да, люди Батисты просто ушли. Вдруг. Развернулись и ушли, оставив нас там. Мы добрались до Сьерра-Маэстре и воссоединились с Эрнесто. И начали партизанскую войну.

Команданте вздохнул и медленно провел рукой по лицу, словно возвращаясь из воспоминаний.

– Я никому и никогда не рассказывал, даже Рауль не знает... но с тех пор храню этот камень, а он хранит меня. Можешь насыпать мне в рюмку хоть столовую ложку яда и расстрелять в меня две обоймы – я останусь цел и невредим... Ты веришь мне? – перебил он вдруг сам себя и наклонился, заглядывая ей в лицо.

Марита молча смотрела в пол.

– Веришь? – он протянул руку, приподнял ее подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза.

Она мрачно хмыкнула.

– Я стреляла в тебя несколько раз, а на тебе ни царапины. Как я могу не верить? Но знаешь, что? – дернула головой, отбросила его руку в сторону. – Это не благословление. Пускай ты заколдован, но это не благословление, а проклятие. Годы будут идти, и ты увидишь, как все твои близкие стареют и умирают... увидишь, как вся твоя революция пойдет прахом, как все, чего ты добился, разрушат и уничтожат!.. Все исчезнет, все умрут, а ты будешь жить! Ты проклят, команданте, проклят!

Он встал и медленно прошелся по комнате. Потом вдруг заулыбался той своей, безмятежной утренней улыбкой.

– Так вот оно что. Ты ненавидишь меня, капитанская дочка. Или думаешь, что ненавидишь. Вот, в чем дело. Поэтому и пошла на это. Я рад. Рад, что не ради денег или чего они там тебе предложили. Лансдейл просто запутал тебя, обманул, наплел про меня что-то и воспользовался твоими эмоциями. Женщины всегда были его оружием...

Она отвернулась.

– Да. Ненавижу. Но дело не в Лансдейле, мне плевать на все его рассказы.

– Так скажи мне, – он остановился перед ней, глядя сверху вниз, – скажи, что я сделал, чтобы заслужить твою ненависть, морская королева.

– Что? – она засмеялась, с трудом сдерживая слезы. – Что именно? Ты пригласил меня на свой Остров свободы, рассказал красивую историю. Влюбил меня в себя, сделал своей любовницей. Я терпела такое положение, тебе ведь нельзя разводиться с боевой подругой... Это разрушило бы твой благородный образ! Я терпела, потому что любила и была согласна на любую роль, лишь бы быть рядом с тобой... А потом я забеременела, а потом потеряла ребенка. И ты просто выкинул меня, как сломанную игрушку, избавился от компрометирующей тебя истории! Я... так ждала тебя! И в больнице, и дома, и потом в порту... Ты вот все время говоришь, что сражаешься во имя справедливости. Ну а я? Разве я не заслужила справедливости так же, как все те униженные и оскорбленные, за которых ты воевал?

Она замолчала, чувствуя, как по щекам все-таки катятся предательские теплые капли. «Как дамочка». Да, ревет тут перед ним, как дамочка – вот, к чему они пришли.

Он перестал улыбаться и смотрел на нее с изумлением.

– Что вообще... Выбросил? Когда тебя повезли в больницу, я был с тобой, ждал у дверей операционной. И после, когда ты лежала там в забытьи. Но очнувшись, ты не захотела меня видеть... так передал мне Рауль. Ты хотела побыть одна и могла говорить только с ним. Я ждал. Неделью, две. Ты вернулась в наш дом, но все еще не позволяла мне приехать. А потом решила покинуть Остров свободы.

Марита закрыла лицо руками.

– О чем ты говоришь... Рауль?

Он развел руками:

– Рауль сказал, что я не могу приехать в порт, что тебе будет тяжело меня видеть, и ты просишь простить тебя и не ждать. Разве я мог спорить? Это была твоя воля... А теперь ты ввернулась, капитанская дочь, вернулась с поручением от Лансдейла, с ядом и пулями. Я был в замешательстве, просто смят. Никак не мог поверить. И тогда брат предложил встретиться с тобой, чтобы посмотреть и убедиться самим, правда ли все это. Может, наша разведка ошиблась...

Она убрала ладони от лица, подняла на него глаза.

– Твой брат был со мной все это время. Он один меня поддерживал и утешал... И он говорил, что у тебя слишком много дел и совсем нет времени на меня...

– Ясно.

Он сел рядом с ней, запустил пятерню в без того уже взъерошенную шевелюру.

– Рауль не так прост, как кажется, я всегда это понимал. В тот день, когда я разговаривал со старухой, он был с отрядом Эрнесто... может, они тоже кого-то встретили, не знаю. Но с тех пор он изменился. Стал... более циничным, что ли. Более жестоким. И всегда действует только в интересах Кубы и революции, «личное – ничто перед главным» – его любимая фраза. Что ж, я не могу его винить... К тому же, теперь уже все равно ничего не поделаешь. Прошлого не изменить, – он помолчал, потом осторожно коснулся ее руки. – Скажи, что я могу сделать для тебя сейчас, моя колдунья?

Она усмехнулась.

– Может, отпустить с миром?

Он удивленно покосился на нее и пожал плечами.

– Ты свободна. Это твое судно, ты вольна плыть на нем, куда хочешь, никто не посмеет задерживать. Но знай, что и Остров всегда открыт для тебя.

Марита вздохнула. Смешно, повторил почти слово в слово те слова, с которых начался их роман. Когда это было? Кажется, сотню лет назад.

– Вы уже закончили осмотр? – отец гневно сверкал глазами и стискивал зубы, с трудом удерживаясь от брани.

– Нет, – высокий затянутый в военную форму бородач остановился возле него и ухмыльнулся. – Мы только начали, судно подлежит полному досмотру, капитан. Время сейчас неспокойное, сами понимаете.

– Я... – отец набрал в грудь побольше воздуха, – вынужден выразить... выражаю протест! Мы теряем время! А ваши люди ведут себя бестактно и грубо!

– Что поделать, – верзила откровенно насмехался, – это простые парни, и манеры у них не очень. Кстати, вы бы вашу девушку увели в каюту, от греха.

Отец дернул щекой.

– Это дочь! Марита, спустись вниз, прошу тебя

На самом деле он просил ее уже третий раз, но она боялась оставить его одного. Ей почему-то казалось, что в присутствии дочери военные не посмеют причинить старику вред. Глупо, она сама понимала, глупо – этим головорезам было явно плевать на сантименты. И все-таки старалась держаться возле отца.

– Дочь? – Бородач перевел на нее взгляд и вдруг изменился в лице. – Прошу прощения, капитан. Прошу прощения, сеньорита. Это в корне меняет дело. Капитанская дочь, разумеется, имеет полное право находиться на палубе и следить за досмотром своего корабля. Впрочем, мы уже почти закончили. – Он сверкнул белозубой улыбкой и неожиданно показался ей совсем не страшным... даже почти симпатичным.

– Простите, я не представился, – шагнул вперед, протягивая ей руку. – Команданте Кастро, для друзей – просто Фидель. Да, тот самый. Поступили сведения... в общем, сегодня я посчитал нужным лично произвести досмотр... Кстати, с латинского мое имя переводится как «преданный», «надежный». А вас как зовут?

Она невольно улыбнулась.

– Марита

– Не может быть! – поймав ее руку, он поднес ее к губам. – Это же означает «супруга», «жена», вы знали? У вас есть супруг? Нет? Прекрасно, очень рад!

– Э... – отец попытался отодвинуть его, – команданте, я хотел...

– Да, мы уже заканчиваем. Еще раз простите за причиненные неудобства. Скажите, Марита, а вы читали роман русского писателя Пушкина «Капитанская дочь»? Нет? Вы должны прочесть, непременно. Там почти про вас.

– Я хотел... – растерявшийся отец выглядел жалко.

– Капитан, еще полчаса, и можете отплывать. Это ваше судно, и вы вольны плыть на нем, куда захотите. Никто не посмеет задерживать. Но знайте, Остров свободы всегда открыт для вас. Может быть, желаете сойти на берег и насладиться нашим гостеприимством? Вы ведь, наверное, устали от качки – день, другой на твердой земле вам не повредит. Сеньорита, что скажете?

– Могу я предложить вам мохо?

Она обернулась и покачала головой. Кажется, это уже было, не далее, как вчера. Дежа вю? Рауль склонился в поклоне, протянул поднос с графином и сахарницей. Посмотрел ей в глаза и вздохнул.

– Нет, так нет. Команданте передал вам подарок, желаете получить?

– Подарок? – она пожала плечами. – И что там? Зная его, какой-то новый дамский пистолет последней модели. Или капсулы с ядом.

– По правде говоря, я и сам не знаю, подарок спрятан в шкатулке.

Она нахмурилась, сердце сжалось от тревожного предчувствия. Осторожно взяла из его рук маленькую серебряную шкатулку, откинула крышку.

Да. Прозрачный светло-розовый камень на бархатной подушке. И свернутый пополам лист бумаги. Письмо?

«Здравствуй, капитанская дочь. И прощай. Знаю, я сломал твою жизнь. С этим ничего уже не поделать, но мое сердце разрывается на куски и не хочет больше отстукивать румбу. Тик-тик-так, тик-тик-так – вот, как оно теперь стучит. Европейский вальс, красивый и грустный, как ты. Долго думал, чем я могу загладить свою вину, и понял, что не смогу ничем. Все, что мне остается – это обмен, жизнь за жизнь. Я сломал твою, ты вольна сделать то же самое с моей. Старуха говорила, не отдавай врагам, но ты ведь не враг мне, капитанская дочь. Хочется верить, что нет. Впрочем, можешь делать с этим камнем все, что тебе заблагорассудится: Можешь передать Лансдейлу, можешь утопить или разбить молотком. А можешь хранить. Я бы хотел, чтобы ты держала его у сердца, носила на цепочке каждый день, но шкатулка тоже подойдет. Только почаще доставай и касайся его руками, я буду чувствовать твои прикосновения и знать, что ты меня помнишь. Ну, а если все-таки решишь отдать Лансдейлу, то постарайся не прогадать, запроси хорошую цену и гарантии своей безопасности. Будь счастлива. По крайней мере, постарайся быть».

– Что там? – Рауль смотрел на нее из-под опущенных ресниц, во взгляде его читалась тревога.

Марита положила письмо поверх камня, закрыла шкатулку.

Ну вот. Все закончилось. План сработал, как и предрекал Лансдейл.

Она сомневалась, но он был так уверен...

«Я знаю людей, – сказал он тогда, и его вечно мокрые усики торжествующе встопорщились. – Все люди похожи, и есть определенные ловушки, в которые они всегда попадают. Будь ты хоть Чингиз-хан, хоть Ленин, хоть Магомет, тебе не избежать общей участи. Эмоции, чувства... привязанность. Вот, что делает людей слабыми и позволяет играть на струнах их души любые песни. Он раскроет вам свой секрет. И покажет точки уязвимости. Туда вы и ударите, важно лишь не пропустить нужный момент. Любую защиту можно обойти, даже магическую, если не ломиться в закрытые ворота, а подождать, пока их откроют».

Что ж, похоже, он был прав. Она вернется с победой, отдаст камень и забудет этот жаркий остров и чертовых братьев Кастро навсегда. Мсть – свершится, справедливость – восторжествует, как всегда. Возможно, ее даже наградят: подарят новый дом, обеспечат неплохое содержание... а, возможно, убьют по-тихому, чтобы не трепала языком. История в любом случае сохранит ее имя – как же, женщина, которой, наконец, удалось убить зарвавшегося революционера... тирана, так они напишут в учебниках истории. Красиво, черт возьми. Узурпатор пал жертвой любви – «дамочки» будущего будут замирать в восторге и хлопать в мокрые от пота ладошки.

– Возьмите, – она протянула Раулю шкатулку. – И больше не позволяйте команданте дарить такие подарки.

Несколько секунд Младший молча смотрел на нее, потом его взгляд потеплел.

– Спасибо, сеньорита. Рад, что вы приняли это решение... впрочем, я и не сомневался. Да, такими вещами нельзя разбрасываться. Шкатулка будет теперь храниться у меня.

Она недоверчиво покачала головой.

– Так вы... знали?

– Конечно, – он кивнул. – Брат горяч, эмоции иногда захватывают его... но для того я и нахожусь рядом с ним, чтобы удерживать от безумств и предотвращать жестокие ошибки.

Марита медленно кивнула.

– И если бы я не отдала вам сейчас шкатулку...

– Да. Вынужден признать, – он продолжал ласково улыбаться, но в глазах – теперь она видела это – клубилась та же тьма, что у старшего брата. – Вы бы не покинули с ней Остров.

Она отвернулась. И все-таки план был не удачным, как ни крути... как ни крути.

– Что же мне теперь делать? Уехать назад без камня? Они не простят. Впрочем, если прикинуться дурачком...

– Можно уехать, а можно и остаться, – повторил он сказанное когда-то. – На Острове свободы много мужчин, и многие из них будут рады составить ваше счастье. Например, я – как вам я?

Она подняла голову, посмотрела в затянутое тучами небо. Вот ведь, еще вчера мечталось – ну, хоть бы облачко, хоть бы одна маленькая тучка – не было сил терпеть это проклятое солнце. А сегодня... влажная клубящаяся хмарь надо всем островом, и на сердце такая тоска. Словно не только небо, но и всю жизнь накрыла сверху эта серая беспросветная дрянь.

И все-таки в глубине души она знала – тучи не надолго. Пройдет час, полтора – поднимется ветер. Дохнет в лицо морской прохладой, разгонит всю эту пакость к чертовой бабушке... и солнце вернется.

Оно всегда возвращается.

Фарфор Любовь Перова

Модный квартал Второго подземного города – гигантская сияющая кроличья нора пару сотен метров в диаметре, вертикально уходящая примерно на полкилометра вниз в голубоватом мареве вывесок и реклам.

Если пробраться в город перед рассветом через взломанный выход на очистительной станции – можно застать момент, когда воздухозаборники начинают работать в полную мощность, – и нырнуть в нору на хOVERборде, кувыркаясь в мощном потоке и забывая дышать от восторга и ураганного ветра.

Наверху даже новая доска перестает слушаться на несколько секунд, и я чувствую себя немного Алисой, падая мимо сверкающих вывесок и витрин. Торможение срабатывает в последний момент над узкой галереей, опоясывающей нужное мне кольцо магазинов и переходов. Последнее сальто – и я выравниваюсь, лихо приземляясь перед крошечным кафе со старомодными неоновыми контурами чашек и бокалов на окнах. Проходящие мимо ярко накрашенные модницы вскрикивают от неожиданности и восторженно хихикают, а Хэппи за барной стойкой, заметив синие огни моей доски, поднимает голову и улыбается. Машу ему рукой и, распахнув дверь, одним шагом оказываюсь в теплом зале всего на четыре столика, утопающем в ароматах корицы, кофе и миндальных пряников.

Он оглядывает меня, качает головой, по-прежнему счастливо улыбаясь, и кивает в сторону уборной. Задерживаюсь там на минуту – проверить, не осталось ли на мне пятен. Подмигиваю своему отражению. Из зеркала смотрит чистокровный подземник – тощий, бесцветные брови и ресницы, сиреневые глаза альбиноса и белые волосы, выкрашенные в модный небесно-голубой: под землей почти все любят яркое.

...крошечные красные брызги подсохли на подбородке. Еще немного – на носках ботинок и коленках джинсов. Почти незаметно. С внезапным омерзением умываюсь. Возбуждение уступает место усталости, мрачной удовлетворенности и пустоте, всегда ждущей своего часа.

Еще немного осталось.

Кофе, очень крепкий и сладкий, ждет меня на стойке в цветной чашке, рядом с Хэппи и вазочкой домашних конфет. Он сейчас из персонала один – и я позволяю себе расслабиться, подавшись вперед, подпереть подбородок и ухмыльнуться, как довольная кошка, только что растерзавшая мышь.

Хэппи ждет, пока моя чашка опустеет наполовину, и доликает молоко. В эту минуту кажется, что кофе у Хэппи – лучшее, что случилось со мной за последние несколько месяцев. Трудно сказать, рад он мне, или предпочел бы, чтоб я сгинул однажды наверху. Мне единственному известно, откуда взялся Хэппи. Он – хорошо знает, где пропадаю я и что там ищу. Общие тайны объединяют порой крепче кровного родства.

Нос и кончики пальцев согреваются с приятным покалыванием. Жизнь замедляется до обычного своего ритма, пока я сижу над чашкой, вслушиваясь в ларго Бетховена, легкий шум квартала за дверью, шелест конфетных оберток...

Мой собеседник с жестянкой пива усаживается по другую сторону стойки. Ждет, когда я заговорю.

– Умрешь толстяком, – киваю на его пиво. Хэппи – полукровка; в отличие от меня, с мышечной и жировой тканью у него порядок. К сорока годам нажил уже небольшое брюшко, заметную проплешину и отвисшие щеки.

– Умру стариком, – отмахивается он.

Тоже справедливо. Чистокровные андеры стареют очень медленно, без морщин и облысения, но и жизни нам отмерено... редко встретишь подземника старше теперешнего Хэппи. Что-то не так пошло с генетическими играми два столетия назад – модифицированное сердце изнашивается слишком быстро. Хотя, вполне вероятно, таков и был первоначальный план.

У нас к наземникам всегда много претензий.

– Как сейчас там, наверху? – спрашивает он, решив, что я вполне уже в состоянии описывать обыденные вещи.

Большой мир совсем другой, и я никогда не знаю, с чего начать. Сырой и холодный, он бывает прекрасен – с ветрами, похожими на горы облаками и звуками...

– Когда я уходил, снег пошел. Правда, земля еще слишком теплая, и листья слишком свежие... и пахнут осенью. А ветер уже морозный и ничуть не похож на здешние сквозняки – от него стынет нос, краснеют щеки и саднит в горле, если на полной скорости...

– ...сматываться? – хмыкает Хэппи понимающе и опускает уголки губ.

Пожимаю плечами и замолкаю. От осуждения он далек. В чем же дело тогда?

– Переживаешь, что ли? – спрашиваю издевательски.

Хэппи смотрит без улыбки, скорее заинтересованно.

– Что будет, Джин, когда ты ошибешься? Станешь неосторожен, не успеешь уйти или оставишь следы... Рано или поздно что-нибудь всегда идет не так.

– Бывает. Но я почти закончил, док. Еще немного везения...

– ...и? что дальше, когда закончишь с последним?

И правда – что? Я не задавался этим вопросом, предпочитая занимать делами каждую свободную минуту времени. Сейчас, прикинув возможные варианты, с отстраненным удивлением понимаю, что значения это не имеет.

– Ничего, Хэппи, – искренне отвечаю после паузы. – Меня устроит любой расклад. А что, у тебя в этом свой интерес, профессор?

– Ты же знаешь, наверху у меня давно интересов нет, – отвечает он сварливо, придвигая мне новую чашку. И тут же вновь улыбается немного безумной улыбкой, щуря жизнерадостно глаза. – Скорее, завидую.

– Мне?!

– Бесстрашию твоему.

Это не похвала, мы оба в курсе. Бесстрашие не обязательно делает человека героем, а страх – предателем. Очень часто – совсем наоборот. А иногда случаются психопаты, вроде нас с ним.

Я – из плохих парней. Страхи мои исчезли три года назад, после того взрыва на переговорах с наземниками, сменившись постепенно желанием найти всех виновных – и искалечить собственными руками. Нет, не убить – пусть чувствуют, дрожат помнят!..

Хэппи, увидев нехорошее в моем взгляде, отворачивается к новым посетителям, не переставая улыбаться. Наверное, он – из хороших ребят. Но и Хэппи не всегда был таким счастливым.

Говорят, сон разума чреват чудовищами. Бессонница разума Хэппи породила ту самую антигравитационную бомбу, единственное безобидное испытание которой положило конец войне с наземниками. Профессор, ужаснувшись собственному изобретению, сделал все возможное, чтобы никто не сумел его повторить, а сам превратился в полнеющего весельчака, владельца маленького кафе.

Каждый день он боится – преследований, возвращения бомбы и новой войны. От подземников он унаследовал боязнь открытых пространств и аллергию на солнечный свет. Страхи, впрочем, не мешают ему мечтать о городе под открытым небом.

Мы все иногда мечтаем о нем. Память о ветре и высоком небе еще долго преследует меня после каждого посещения наземного мира. Воспоминания о травах, лесных тропинках, запахе листьев и земли после дождя...

Допиваю кофе и незаметно смываюсь, пока Хэппи занят и не задает больше вопросов.

Модный квартал засыпает, когда в городе наверху уже глубокая ночь, но через пару часов, как сейчас, лавки и торговые центры вновь открыты для посетителей, которым плевать на режим земных суток. Разношерстного народу здесь всегда полно – наземные знаменитости в поисках лучших нарядов, раздающие листовки мечтательные студенты, ряженные косплееры и мелкие служащие, еще не добравшиеся до работы.

Сегодня чужаков удивительно много. Их легко отличить – загорелые и неприлично шумные, они таращатся в сверкающую глубину кроличьей норы, на меня, парящего на доске, на желтые минитакси без ограничений на высоту. Большинство из них, как и я, плохо помнят короткую и кровавую войну между поверхностью и подземельями. Они и сейчас считают город чем-то своим...

Милашка в готичном платье с рюшами останавливает меня, чтобы приколоть к куртке синий значок с городским гербом – старинной шестерней. Запоздало вспоминаю, что сегодня – двухсотлетний юбилей основания Второго.

Два века назад ученые всего мира начали предсказывать близкие солнечные супершторма – и кто-то предложил подготовиться к ним заранее. Так появился Первый подземный городок. А через пару лет уже миллионы матерей, напуганные первой вспышкой Каррингтона, охотно соглашались рожать генетически измененных детей – первых подземников. Города сохраняли все, что могло исчезнуть с лица земли – электронику, технологии, знания. Наземники же в первые дни бури оказались отброшены назад на сотни лет. Мы до сих пор сильно опережаем их мир, в котором прошлое и будущее причудливо перемешаны. Повод для гордости и средства для равноценного обмена с поверхностью. Впрочем, я не уверен, что обмен равноценный.

У нас появилась антигравитация, новейшее оружие, лекарства и знания. У них – осталась вся земля с небом и солнцем, которого мы боимся. Андеры-альбиносы не переносят ультрафиолет и живут меньше, наши женщины редко рожают здоровых детей от наземников, зато мы медленно стареем, мы быстрые – и видим в темноте.

И еще – мы помним, что должны все успеть.

Эля работает в универмаге «Мэйси», занимающем несколько уровней чуть ниже «Кафе» Хэппи, в большом ювелирном отделе. Добираюсь до нужного этажа, чтобы притормозить и посмотреть на нее через стекло внутренней витрины – вдруг первая заметит меня и кивнет. Меня, в ярком и с ослепительной улыбкой, трудно не заметить – и она кивает, но тут же отворачивается показать комплект колец юной паре.

Я наблюдаю за ней издалека, как за изящной танцовщицей на неприступной сцене. Бело-волосая и белокожая, в маленьком черном платье, Эля кажется тонким грустным призраком в сравнении со счастливыми покупателями: они идиотски держатся за руки, и у них впереди все, что у нее далеко в прошлом. Тот взрыв унес ее мужа, нерожденного ребенка и возможность когда-нибудь снова родить.

Мы познакомились еще в госпитале, на сеансах групповой терапии – оба полуживые и ужасные, собранные из кусочков, пережившие два мучительных месяца в реанимационных капсулах. Срались кости, новые органы прижились, и шрамы затянулись. Но кажется, мы так и остались сломанными.

Вместе, вняв совету терапевта, мы отправились в школу боевых искусств мистера Сайто. Там много слов не требуется. Сейчас я посещаю додзё без нее, и общая у нас только беда, но хочется верить, что мы нескоро расстанемся. А может, мы просто приходим друг к другу в поисках чего-то давно потерянного, в надежде, что теплее будет засыпать не в одиночку...

Не сегодня. Сегодня она не смотрит на меня – танцует под свою музыку, не слышную мне. Не то, чтобы я жаловался. Утешитель из меня никудышный.

«Увидимся завтра? Есть кое-что для тебя.» – шлю ей сообщение уже на полпути к выходу. Эле нравятся наземные сувениры.

«Увидимся» – приходит шепот, почти сливаясь с шумом супермаркета.

Вполне достаточно, чтобы продлить мое хорошее настроение до вечера. Беру разгон прямо от дверей универмага и снова ныряю на доске в пропасть норы, кувыркаясь и теряя на несколько секунд ощущение верха и низа.

Ветер пахнет наземным утром и кофе.

Непривычные чужаки тычут пальцами и начинают снимать, когда ко мне присоединяются еще несколько смельчаков. Что ж, еще есть пара минут, чтобы показать смуглолицым, как андеры умеют ловить ветер и делать петли на хOVERборде. Я развлекаюсь и откровенно позирую, пока в одном из скоростных тоннелей внизу не появляются огни тормозящего поезда.

В последнюю секунду влетаю в закрывающиеся двери ярко освещенного полупустого вагона и плюхаюсь на сиденье.

Второй город окружает мегаполис наземников широким полукольцом районов-полостей, связанных сетью тоннелей. Мне – на другой край, и я успеваю задремать в наступившей тишине. Поезд не шумит и не качается, в отличие от наземного: жизнь в городе с каменными небесами накладывает свои ограничения. Строго не только с шумом – еще и с влажностью воздуха, уровнем пыли, температурой, испарениями и запахами. Подземники практически из всего умеют выжимать воду и воздух, а чистота и тишина – не просто проявления вежливости. Мы не галдим на улицах и давно отказались от двигателей внутреннего сгорания. Не любим серые тона, песок на тротуарах, грязь, темноту и слишком неровные поверхности – ничего, что напоминает о правде: мы все жители одной большой норы. Некоторые – навсегда.

Схожу с поезда в оживленном бизнес-районе. Улицы очень широкие, но сияющие небоскребы колоннами упираются в каменное небо, оставляя совсем немного пространства наверху. Впрочем, чистые дороги и тротуары залиты теплым светом, а у витрин расставлены кусты и деревца в горшках. В маленьких заведениях и магазинчиках здесь любят нарочито скрипучие двери и деревянные рамы. Не хватает настоящего ветра и опавших листьев, но невозможно получить все сразу.

Рядом со станцией, рыжий парень в фиолетовых очках, – Лёва – что-то читает, усевшись на кромку тротуара напротив книжной лавки.

Покупаю в круглом стеклянном автомате на углу две конфеты – ядовито-зеленую и апельсиново-оранжевую – и протягиваю, подойдя, Лёве. Для него они значат, что я не оплошал, – зеленый – и мне нужны новые ответы – оранжевый.

Он поднимает голову, молча забирает только зеленую и кивком приглашает присоединиться. Плюхаюсь рядом. Лева подсовывает мне свой тяжелый справочник, открытый на цветной иллюстрации одномоторного истребителя времен Второй мировой. Сообщает вместо приветствия:

– Легендарный «Зеро», между прочим. Почти самый маневренный в свое время. И знаешь, почему?

Качаю отрицательно головой.

– Среди прочего, он летал с минимальной броней. Легкий сплав. Почти никакой защиты, зато ты шустрый. Но чуть заденут – пухф! – и ты порхаешь на тот свет. Забавно, да? Ничего не напоминает?

Лёва точно немного с приветом. Никогда не говорит о вещах, которые ему неинтересны. А может, я просто не понимаю его намеков. Не глядя на собеседника, рассматриваю текст комментария под иллюстрацией, почти весь подчеркнутый. Кроме двух слов.

«следующий – последний».

Вот почему он не взял оранжевую. Информации для меня больше нет.

Захлопываю книгу и отдаю ему.

– В новостях говорили, Джек Дровосек вернулся, – сообщает Лева обыденно. – Видал? Напекают, в этот раз кроме пострадавшего есть и другие свидетели. Недалеко от места происшествия видели девушку в темном.

– Так всегда говорят, – Пожимаю плечами. – В прошлый раз заметили даже какую-то знаменитость.

Несомненно, нас найдут когда-нибудь, несмотря на все предосторожности. Вопрос в том, кто до кого доберется быстрее...

Мимо нас спешат служащие и студенты. Лева смотрит на уходящие поезда сквозь фиолетовые очки. Я – на круглый вентиляционный люк в стене неподалеку. Лопасты за решеткой медленно вращаются, внушая сонное оцепенение.

– Слышал, скоро в горах начнется лыжный сезон... – вздыхает Лева. – Там, наверное, уже морозы?

– Со дня на день... Осень еще, – тяну устало.

– Вот что, Джин! Мне не так уж много осталось, – сообщает он внезапно.

Поворачиваюсь к нему медленно, пытаюсь не паниковать. Внешне Леве двадцать пять, и в универе мы учимся на одном курсе. Вот уж не думал, что начну переживать за него.

– Ну да, не удивляйся: у меня достаточно средств, чтобы в сорок не работать... Вряд ли я доживу до дня, когда город подземников на поверхности будет, наконец, построен. Ты – другое дело. Я пока могу только представлять. Но знаешь, умереть я собираюсь там, наверху, где-нибудь на лесистом берегу моря... и чтобы птицы пели так, будто сердце вот-вот разорвется.

– ...ну, ты придурок, Лева! – не выдерживаю. – Даже не думай выкидывать глупости и сбегать на солнышко раньше времени!..

– Ну уж нет! Из нас четверых, самый придурошный – ты.

– Пфф!..

Он дружески хлопает меня по плечу, заставляя вздрогнуть, и снова раскрывает свою книгу на странице с подчеркнутым текстом.

– Пока не ушел, хочу показать тебе кое-что...

* * *

Считают, что у Джека Дровосека много связей, либо кто-то из очень крупных игроков стоит за ним – слишком хорошо он планирует нападения и знает подробности жизни своих жертв.

Первым, кого он искалечил, стал губернатор штата. Психопат подстерег его уходящим от любовницы. За полминуты расправился с двумя телохранителями, а пытающегося сбежать политика избил до беспамятства, изуродовал лицо, отсек пальцы правой руки и левую ногу до колена. Через минуту после нападения кто-то с женским голосом позвонил в неотложку.

Следующим оказался помощник мэра. А через несколько месяцев, когда улеглись страсти, жертвой Джека стал президент одной из самых крупных инвестиционных компаний на Восточном Побережье. Его нашли в собственной спальне, без обоих ног, с выбитыми зубами и глубокими порезами на щеках. Никто не знает до сих пор, как Джеку удалось обойти новейшую в наземном мире систему наблюдения и вырубить шестерых охранников на вилле так быстро, что они даже не разглядели нападавшего.

Предпоследний случай произошел вдали от Второго города. На место я добирался ночным рейсом и двое суток не выходил из гостиничного номера. В тот раз все и заговорили о работе большой команды.

Нас четверо на самом деле. Наземная безопасность – несерьезное препятствие, когда мы вместе. После первой самостоятельной вылазки я понял, что не справлюсь в одиночку в следующий раз, и нашел в Сети Леву, а он – Нину и Уилла. Я не спрашивал, зачем они помогают мне, – у каждого найдется история – но их информация всегда верна. Впрочем, я все равно перепроверяю.

Хэппи поинтересовался как-то, понимаю ли я сам, зачем так стараюсь... можно ли назвать это мстью, и смогу ли я смириться, когда остановлюсь? Сайто-сан говорил, что контролируемая ярость тоже имеет пределы... Сегодня проверим.

Я сижу на краю опустевшей крыши одной из старых высоток наземного города. Тех, что пережили двухсотлетний упадок и остались обитаемыми. Ранняя зимняя ночь вполне подходит – ни звезд, ни луны на укутанном снежными облаками небе. В городе и в самом здании огней в это время немного, по сравнению с вечно сияющим Вторым. Никто не заметил, как я сюда поднялся – вдоль стен, на хOVERборде с отключенными огнями. Причальная мачта для цепелинов пуста до утра.

Отсюда хорошо наблюдать за мегаполисом и за окнами на нужном этаже. Жду, заглядывая вниз, пока свет останется всего в паре нужных мне офисов. Еще немного.

Здесь слышен только шум ветра и едва-едва – гудки машин далеко внизу. Рассматриваю яркие ниточки трасс и переулки, прикидывая пути отступления. Морозец начинает забираться под мою толстую куртку. Одно за другим, окна высотки гаснут. Пора. Тот, кто мне нужен, остался в офисе один, не считая пяти или шести охранников в соседнем помещении. Спуститься отсюда на карниз несложно, но на фоне освещенного окна могут заметить с улицы.

Если мне не повезет, охранников будет восемь, включая тех, что остались на этаже. Впрочем, все должно быть закончено еще до того, как они подоспеют, заподозрив неладное.

Камеры наблюдения на этаже взломаны Лево́й и Уиллом – сейчас на них закольцованное изображение пустых коридоров. Нина позаботилась об остальном – выяснила, в какую сторону закрываются двери; где сидит мой «подопечный» и когда выходит за кофе, если нет секретаря; как быстро открыть окно...

Повторяю все детали в голове, бесшумно перепрыгивая через ступени на темной запасной лестнице.

Коридор освещен слабо, но из-под нужной мне двери пробивается тонкая полоска света. Комната охранников – чуть дальше – приоткрыта, но они вряд ли увидят меня, беззвучно вошедшего к боссу. Миную маленькую пустую приемную. Запираю за собой обе двери.

– Я же велел не... – Он поднимает глаза и замолкает, увидев перед столом черную фигуру в гладкой фарфоровой маске.

Моложавый политик, старше среднего возраста. Уже чуть поседевший. Наверное, сгодился бы мне в отцы. Поражен, конечно, но явно владеет своими страхами. Медленно он опускает руки, пытаясь нащупать кнопку тревоги под столом.

Качаю головой, вынимая меч из ножен на спине. Кнопка не работает.

Кажется, он понимает. Потому что встает, сжав губы и уверенно уперев руки в стол. Возможно, сейчас попытается протянуть время. Не может ведь быть, чтобы я появился тут совсем незамеченным, прямо в кабинете сенатора... верно?

Я тоже не люблю спешить, но сегодня слишком высоко забрался. Хватиться его могут в любую минуту.

– Так ты и есть Джек Дровосек?

Хочется немедленно стереть самоуверенность с его лица. Молчу, ожидая. За спиной сенатора на деревянной подставке – две катаны. Он отступает назад и берет одну.

Хмыкаю с сомнением. Неужели умеет? Что же, парень заслужил пары слов перед тем, как я с ним разделаюсь.

– Не думай, будто я не выяснил, зачем ты здесь, – сообщает он жестко. – Преследуешь тех, кто в ответе за взрывы на конференции о городе для подземников? Не стану отрицать, я тут действительно замешан. И знаешь, что? Ничуть не сожалею. Подземники – пережиток и закончат свои дни под землей, сколько бы они там ни бунтовали!

Если он и пытался меня вывести, получилось не очень. Я слышал гораздо более красочные высказывания в адрес андеров. Я помню их. У меня собственная война.

Сенатор обнажает меч, и я церемонно кланяюсь. Даже интереснее, когда жертва сопротивляется. Он нападает, не дожидаясь окончания моего поклона и правильной стойки. Легко отражаю, отступаю в сторону и быстрым движением, самым кончиком, рассекаю безукоризненный костюм на груди..

Он напуган теперь, да и сражается неинтересно, пытаюсь силой победить более легкого противника. Как все новички, делает сильные замахи и тратит уйму времени на удары и на оборону. Счет, между тем, идет на секунды, и я, наигравшись и заставив его вспотеть, захватываю его меч и, вывернув руку, захожу стремительно назад и на обоих ногах рассекаю подколенные сухожилия. Пока сенатор валится, вскинув руки и не успев сообразить, что случилось, отрубая кисть, держащую меч.

Наклоняюсь, касаюсь перчаткой крови на ковре и подношу к улыбке-щели в маске.

– Смотри-ка, у пережитков прошлого еще остались зубы.

Нравится наблюдать, как ярость на его лице сменяется страхом. Как он пытается отползти и позвать на помощь.

Помощь уже совсем близко – ломаются во вторую дверь. Еще несколько секунд.

Распахиваю окно, подняв раму вверх и напоследок наклоняюсь к сенатору.

– После взрывов там, в зале столько было оторванных рук и ног, что, казалось, там погибли тысячи, а не пара сотен.

– Чего... чего ты хочешь от меня?...

– Нет ничего такого, что ты мог бы вернуть.

Рассекаю ему ноги, рубя коленные чашечки и не испытывая никаких угрызений от его воплей. Все-таки, я победил сенатора в честном бою.

Дверь кабинета слетает с петель, впуская пятерых вооруженных охранников. Один, тут же бросается к пострадавшему, а мне остается разделаться с четырьмя, не дав им успеть отреагировать.

Чуть присев, целюсь в ноги – только поцарапать – и, уперев ладонь в пол, делаю широкий взмах с разворотом. Таких движений нет в традиционном кендо, но у Сайто свой стиль, рассчитанный на легких и быстрых подземников. Мне и нужно в этот раз всего лишь остановить их, а не покалечить.

Все четверо с воплями боли валятся на пол, роняя оружие или стреляя в пол. Я продолжаю движение, не разгибаясь, вскакиваю на подоконник – и вываливаюсь вниз головой, не оставляя им шанса пальнуть мне вслед.

Пуленепробиваемое окно за мной захлопывается с громким лязгом. Маска соскальзывает. Ветер продувает закрывающий лицо шарф и отрезвляет – на полдороги к земле мне все же удается приладить доску к подошвам. Магнитные замки защелкиваются, включая автоматическую антигравитацию – я переворачиваюсь ногами вниз у самого тротуара, едва не коснувшись брусчатки кончиками пальцев, и снова поднимаюсь, облетая здание и не заботясь больше о случайных зрителях и преследовании.

Пожалуй, мне нравится ходить по краю. Сердце колотится так, словно я счастлив или влюблен. И вокруг – ветер. Через пару минут всю воздушную и наземную полицию города поднимут на поиски подозрительного андера с хOVERбордом.

Доску приходится сломать и выбросить неподалеку от снятой Ниной квартиры. В квартиру же поднимается вполне себе почтенный наземник с рыжей шевелюрой – синтетическая

маска – и почти тут же спускается, переодевшись во все новое. На такси я отправляюсь к очередной точке на окраине и, пройдя пару кварталов, в подвале заброшенного дома забираю собственный хOVERборд, молчаливо ждущий отправления к удаленной от города очистительной воздушной станции, в этот раз – ведущей в другой район Второго.

До рассвета еще далеко, и огней здесь нет, но дорогу мой хOVERборд знает прекрасно. Единственный источник света на пути – огни пригородной фермы. Вспоминаю, как отец впервые взял нас с сестренкой туда – показать земные поля и травы, и воздух, наполненный песней ночных сверчков, и темный лес вдалеке...

Начинается снегопад. Пожалуй, теперь я нескоро вернусь на поверхность.

Хочется плакать – впервые за много лет. Хочется остановиться, упасть на замерзшую землю и ждать заслуженного наказания. Все плохие парни бывают наказаны рано или поздно.

Эля ждет меня дома, в маленькой квартирке почти на самом вершy выcотки в центре. И я впервые по-настоящему рад, что выбрался целым.

Она готовит капучино – запах смешивается с корицей, черносливом и ванилью – стоя посреди кухни в тонком халате. Иногда она приходит без предупреждения, как сейчас, и остается на ночь.

– Прости, – обнимаю ее cзади. Целую белоснежную шею. – Были дела наверху. Соседи ночью не тревожили?

Она оборачивается и чуть склоняет голову, разглядывая меня.

– Что-то случилось, Джин?

– Устал немного, – сообщаю чуть дрогнувшим голосом.

Все-таки, я тоже боюсь. Боюсь, что Эля никогда не взглянет в мою сторону, если узнает, какой я на самом деле. Боюсь, что если бы сейчас оказались живы те, кого унес тот взрыв, они не смогли бы любить меня – такого, каким стал.

– Хотя, знаешь... не настолько устал, чтобы не показать несколько ошеломительных простых приемов... – руки мои опускаются ниже.

– Глупый, кофе остынет!

– Мы быстро...

– Остынет!..

...Кофе почти остыл. И все равно вкусный.

Эля намазывает тосты шоколадной пастой и избегает смотреть мне в глаза. Лицо ее чуть раздумянилось, а на щеках проступили едва заметные ямочки. Должно быть, мы оба сейчас безумно привлекательны. Подмигиваю ей с другого конца стола.

– Ты ведь сегодня никуда не спешишь, Джин? – спрашивает она, поколебавшись. – Есть одно дело... один человек. Ему нужна хорошая охрана. Лучший телохранитель, кроме тех, что уже есть. Я посоветовала тебя.

Поперхнувшись, недоверчиво гляжу в ее серьезные фиолетовые глаза.

– Шuтишь!

– Сайто считает тебя лучшим. И ты уже работал телохранителем один раз.

– Один раз! В свободное от учебы время. Сама знаешь, я совсем другим занимаюсь.

– Знаю. Еще и поэтому Сайто-сан тебя советует. Если хочешь, Лерой наймет еще и троих твоих приятелей – будете вместе охранять его от взломов и собирать информацию. До начала конференции он переедет сюда, во Второй.

– Конференции?

– Так ты не слышал... – она прикусывает губу на минуту.

– Что не слышал?

– Новые переговоры. О проекте города.

Дальше можно не продолжать. Эля по-прежнему мечтает о городе андеров на поверхности. О новом мире для всех нас... Даже когда я давно перестал надеяться. А ведь из нас двоих долбаный оптимист – я. Уж какой есть.

– Ты сказала, его звать Лерой? Не тот ли, который?..

– Тот.

– И ты ему веришь?!

– Я готова рискнуть. А ты?

Молча допиваю остывший кофе. Очень немногие вещи бывают хуже, чем заглядывать в несчастливое прошлое. И все-таки, она – заглянула. Значит, и я попробую.

– Что ж, раз тебе так важно, давай взглянем на твоего заказчика.

Эрик Лерой – действительно тот самый.

Замираю на пороге гостиничного номера, рассматривая сидящего за столом президента самой успешной и стойкой инвестиционной компании Восточного Побережья.

Время изменило его. Время – и Джек Дровосек. Никакие деньги не смогли купить ему настоящих живых ног. Никакие врачи – ни наземные, ни подземные – не смогли полностью убрать шрамы с лица. И тем не менее, он улыбается нам с Элей.

– Садитесь, прошу вас! Миссис Грэй принесет чаю.

– Спасибо, мы ненадолго, – отвечаю холодно.

Он кивает. Смотрит на меня оценивающе, не переставая улыбаться.

– Знаю-знаю, у вас нет причин со мной сотрудничать, мистер Адамс! Как и у ваших друзей. Я, видите ли, навел справки...

– На этом можно и закончить. Сказать, что я вам не доверяю – сильное преуменьшение.

– И тем не менее, я хочу выстроить этот город. С новыми технологиями магнитной фильтрации ультрафиолета – он будет полностью под открытым небом. И я верю, что он будет не единственным! Я в курсе, что ваш отец тоже мечтал и сам спроектировал...

– Он мертв. Именно потому, что мечтал о таком городе.

– Он был блестящим ученым.

– Был.

– Джин! – вмешивается Эля. – Выслушай хотя бы.

– Пусть заткнется о моем отце и объяснит, какого рожна суется сюда снова.

– Должен признаться, – продолжает Лерой как ни в чем ни бывало. – Три года назад я был против строительства города. Наверняка вы знаете. У вас есть свои способы добывать информацию. Знаете, за кем охотится Джек Дровосек. За теми, кого считает виновными в том ужасном происшествии...

– Значит, в вас он ошибся?

– Нет. И это дает вам повод меня ненавидеть. Я знал о готовящемся покушении. Знал – и ничего не сделал. Никому не хочется выпускать подземников из подземелий. Впускать в наш мир. И мне это было невыгодно.

– Ясно. Пошли, Эля!

– Я хочу все исправить.

– Что? – начинаю смеяться. Горько и до слез. – Что исправить?

– Нельзя вернуть вам всю семью, мистер Адамс. Возможно... возможно, в следующий раз Джек Дровосек меня прикончит. Но в тот раз – он оставил меня в живых. Сам вызвал службу спасения. Может быть, давал мне второй шанс, как думаете?

– Думаю, он придурок и маньяк. Может, это комплекс неполноценности?

– В ту ночь... – Лерой ищет слова. Словно впервые готов открыть тайну. – Мне снились кошмары о том, что произошло. И Джек явился как настоящий карающий демон из Преиспод-

ней. Мне казалось, так двигаться может только дьявол. Позже я услышал о боевой школе Сайто-сана. Узнаваемый стиль. Именно такой телохранитель мне нужен сейчас! Не спешите соглашаться! Уверен, вы успеете проверить правдивость моих намерений. Присядьте! Я покажу проект города...

Он включает проектор – и на столе перед нами возникает знакомая модель.

Замираю, разглядывая ее. Многое, конечно, поменялось, но этот проект – мечта подземника Адамса-старшего. Для тех, кто не побоится выбраться на свет...

– ...Мистер Адамс?

– Джин?

– Я...

Невозможно согласиться. Охранять Лероя? Здесь что-то другое нужно, кроме ума, бесстрашия и ловкости. Прощение? Чужь какая!.. Я – из нехороших парней. Хорошие парни не разбивают вам, не морщась, коленные чашечки.

Хорошие парни не взрывают, не моргнув, сотни людей.

Но.

Эля становится рядом и берет меня за руку.

* * *

Хэппи улыбается во весь рот, от одного взгляда на мою уставшую физиономию.

– Я рад.

– Ты всегда рад!

– Рад, что ты согласился.

Он подвигает ко мне самый лучший свой кофе и самые свежие миндальные пряники.

– Не начинай! Я..

– Сам на себя зол? Так похоже на тебя, Джин!

– Второй шанс президента Лероя похож на ад крошечный! Бесконечная череда переговоров и сделок. Сотни людей, миллионы случайностей. И Эля...

– Как она?

– Устала. Конференция только началась, а она...

– Она знает, чего добивается. Надеется успеть. Понимаешь? Ее сердце...

И тут наступает минута, когда Хэппи перестает улыбаться. Не знал, что увижу его таким.

– Эля хорошая девочка. Не разочаруй ее, Джин, мой мальчик!

Он и сам на себя не похож, внезапно постаревший без своей безмятежной улыбки.

Даже модный квартал кажется сейчас кричаще ярким и вызывающим, проплывая медленно мимо стекол его кафе.

И кофе – слишком черный в сравнении с моей бледной рукой.

– Я как-то читал одну книгу. Старинную... я ведь говорил тебе, что рос среди книжных полок? Там ученый изобрел машину времени. И попал далеко-далеко в будущее. В книге под землей тоже жили... морлоки. А элои – все такие светлые и хрупкие – жили наверху. Морлоки жрали их... Я думаю, он все перепутал, тот писатель. Или Солнце – оно все перепутало.

– Солнце, Хэппи, ни при чем... это элои из нас никудышные. Нас и жрать не надо. Только успеешь к нам привыкнуть...

Приходят сразу несколько сообщений от Левы, Нины и Эли. Тревожных новостей пока нет, но завтра – день принятия главного решения.

Мы все ходим по краю перед этой конференцией, которая станет первым шагом к новому миру. А новые миры никогда не рождаются без риска. Мне это нравится. Не нравится, что Эля ходит по краю вместе со мной.

– Пора!

Ухожу, кивнув на прощание, оставляя недопитый кофе и несчастливого Хэппи.

Вчетвером мы собрались впервые – я, Лева, Уилл и Нина. Сегодня мы – не Джек Дровосек. Сегодня Нина окрестила нас «Джек-Победитель-Великанов».

Великанов четверо. Из тех, что точно проголосуют против строительства города. Еще пятеро – колеблются.

Нина – она выглядит старше всех и больше всех говорит, – раскладывает на столе большой план зала для конференций и отмечает места, где рассядутся голосующие. Затем – давно изученный маршрут передвижений Лероя в этот день.

Лерой – герой завтрашнего дня. Если убрать его – вряд ли состоится само голосование. Вряд ли мечта Эли когда-нибудь сбудется.

– Значит, с наступлением темноты, ты, Джин...

– Знаю. – Я и так всегда рядом.

– Второе по опасности место – холл здания. Не исключено, что по пути следования машины попытается выстрелить или бросить взрывчатку кто-нибудь из толпы. Мы установили наблюдение и проверили почти все здания.

– А если фанатиков будет сотня? – Тогда мы все умрем. Не отвлекайся, Уилл! В холле камеры наблюдения есть за каждой колонной и в каждом углу. Но и приглашенных гостей и репортеров – около двухсот. А охранников в зале – всего пятнадцать. Не спускай глаз даже с них. Я не доверяю наземникам. И почему бы им не собраться во Втором?

– Потому что в прошлый раз зал взорвали, – жестко напоминает Лева. – Что же, увидимся следующей ночью и отпразднуем?

– Обязательно увидимся!

Эля – мечтатель. Возможно, именно поэтому она сама, сопровождаемая доверенными лицами мистера Лероя, везет сегодня его инвалидную коляску ко входу в старинное здание в центре города. Ее печальное белое лицо – во всех новостях, как символ доверия решениям покрытого шрамами наземника.

Ночи в наземном городе гораздо темнее, чем под землей, и она смотрится еще эффектнее, белая на темном небе, ярко высвеченная вспышками камер. Танцовщица. Лерой что-то говорит ей – и она наклоняется послушать, а он улыбается и ободряюще кивает головой.

Я – неподалеку, в толпе, весь в темном, но меня ей легко найти – стоит только взглянуть поверх голов и увидеть мои голубые волосы.

Она здесь – единственная, кому я доверяю. Внезапно в голову приходят слова Хэппи. Морлоки – те, кто жрал... И мы все равно...

– Джин! Черт, почему сеть здесь такая медленная? – раздается в коммуникаторе голос Левы.

– На поверхности все медленное, – напоминаю.

– Хорош болтать! Я выяснил, что охрана сменилась. Сегодня не та смена дежурит. Такое и раньше бывало, не страшно. Но гляди в оба... слышишь? Они – единственные кто свободно вошел с оружием. Возможно, есть кто-то еще, кому они его передадут. Эле... нельзя останавливаться. Слышишь?

Поздно. Они уже остановились посередине красного ковра, окруженные репортерами со всех сторон.

Ловлю краем глаза движения охранников и остальных участников конференции. Слишком много.

Машу Эле. Она кивает, увидев меня и выражение моего лица. Берется за ручки коляски Лероя... и тут раздается первый выстрел. Один из телохранителей падает, хватаясь за бок. И время замедляется. Я спешу к стреляющему, расшвыривая всех, кто стоит между нами.

А Эля... она делает то, чего я ни от кого давно не ждал. Вместо упавшего телохранителя она становится впереди коляски потрясенного Лероя, с вызовом оглядывая толпу.

Отталкиваясь от колонны и прыгаю на одетого в темное охранника, снова поднимающего пистолет. Он и сам не понимает, как оказался безоружен, а я, почти не целясь, стреляю во второго.

Эля опускается на красный ковер, прижимая руки к груди, и я спешу к ней, пока гости в панике разбегаются, а Лероя увозят в конференц-зал.

Губы у нее посинели, а пальцы – ледяные.

Подхватываю ее на руки, обмякшую, почти безжизненную.

Медики спешат к нам, но Эля качает головой.

– Я в порядке, Джин. Просто... первый раз в городе. Я боюсь улицы, вот и...

Агорафобия. Удивительно, как она до сих пор держалась. Весь путь от машины.

– Я... хотела увидеть, как это. Мне... ох, просто надо на воздух. Хочу увидеть настоящее небо. Потому что...

– Нет-нет-нет! Тебе надо к врачу, потому что у тебя сердце...

– Пожалуйста! Все в порядке. На минуточку...

Я отвожу ее на хOVERборде на крышу той самой высоты, но глаза ее измученно закрыты. Сажусь на край смотровой площадки и прижимаю ее к себе.

– Смотри, Эля! Вон – край млечного пути. А видишь вон те яркие звезды совсем рядом?.. Это мы с тобой – ты и я, слышишь?

Эля молчит.

Одна из двух звездочек мерцает и гаснет на далеком бескрайнем небе.

Над всей Испанией безоблачное небо

Андрей Миллер

Середину весны в Мадриде всегда в пору было называть летом, а в летнее время столица империи делалась особенно прекрасной. Ничто не отвлекало художника от созерцания красоты: каждое своё утро он проводил у окна. Даже очевидные волнения в городе, грозящие обернуться настоящим пламенем, не становились помехой этой приятной традиции.

Настал апрель 1808 года. Уже пару недель Мадрид был занят войсками Наполеона Бонапарта, и ничего хорошего это не сулило. Обоих претендентов на испанский престол французы пленили: по всему выходило, что скоро быть новой власти. Или не быть?..

Квартира принадлежала сыну, но сейчас была предоставлена одному лишь Франсиско, для плодотворной работы. Хавьер с молодой женой отправились в небольшое путешествие: детям придворного живописца и богатых баскских финансистов легко позволять себе подобные капризы.

Да, ничто не отвлекало от созерцания, потому что способности слышать пожилой художник давно лишился.

Если подумать, то Франсиско очень повезло с этим тяжёлым недугом. Не в том смысле, что лишаящая тебя одного из чувств болезнь – благо. Просто он знал о трагедии того безумно талантливого композитора немецкой школы, Бетховена. Людвиг, великий музыкант, оглох – как и сам Франсиско. Слуха они оба лишились почти одновременно, в последние годы теперь уже безвозвратно ушедшего XVIII века. Уж если пианист не прекратил работать из-за глухоты – то стоит ли жаловаться на неё художнику?

Вот если бы Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес потерял зрение, это стало бы настоящей трагедией.

– Зачем ты пишешь эту картину? Я тебя о таком не просила.

Глухой художник давно уже не слышал никаких голосов, кроме этого единственного. Благодарного, с волнующей музыкальностью, женского голоса: он принадлежал прекрасной черноволосой девушке, неизменно носившей не совсем приличные платья. Никто другой, кроме самого Гойи, не видел и не слышал её.

– Я достаточно стар, чтобы пользоваться роскошью писать, что сам пожелаю. – отвечал художник своей музе.

«Музой» он называл таинственную даму, не будучи полностью уверенным в её истинной природе. Кто эта женщина? Может быть, ангел или демон... но это не так важно. Важно то, что она была спутницей Франсиско уже много лет. По ночам нежно шептала в ухо сюжеты картин, действительно просила написать их – просила так пылко, с такой обжигающей страстью, как самая глубоко влюблённая женщина просит овладеть ею.

А днём Муза осторожно обнимала Гойю за плечи в мастерской, и ласково касалась его руки, сжимающей кисть. Лишь изредка властно указывая: чаще – лишь поправляя в деталях.

За все эти годы, за целые десятилетия, Муза ничуть не состарилась. Она была такой же, как в их первую встречу – что случилось на улицах Рима, в далёком 1771 году, после оглушительного провала художника в академии Сан-Фернандо. Если бы не случайное знакомство с Музой в самом злачном месте Вечного Города, как знать – стал бы Гойя тем, кем он стал?

– Ты писал то, что хотел, до нашей встречи: не припомню, чтобы это приносило успех.

– Полагаешь, я тебе должен?..

– Ты изрядно должен, но отнюдь не мне.

На холсте, что стоял перед живописцем, разворачивалась сцена, завораживающая своей динамикой и кровавостью. Огромные боевые лошади, белой и гнедой мастей, в ужасе неслись

сквозь плотную толпу мадридских простолюдинов. Две приземистые фигуры, с оружием наперевес, преграждали коням путь.

Испанец в чёрных одеждах, с перекошенным безумной яростью лицом, стаскивал с коня всадника в восточном костюме. Заносил над грудью врага нож, и уже вот-вот рубаха кавалериста должна была стать такой же красной, как его широкие штаны. Конечно, изображение мусульман на французской службе было небольшой натяжкой: с Мюратом пришли в Испанию, в основном, гвардейцы. Но этот образ был хорош для обращения к людям, по сию пору хорошо помнящим о Реконкисте.

Воистину, картина изображала тот самый первый удар, что способен начать настоящее восстание. Мамлюк-бонапартист падал с коня, как должна была рухнуть сама насаждаемая силой власть.

– Это не просто картина. – Муза сложила руки под высокой грудью, одной своей позой безупречно выражая всё недовольство.

– Ты полагаешь? – Гойя попытался скокетничать.

Он понимал, конечно, что это комплимент. Неведомое существо, на вдохновляющее общество которого в пустой квартире он был обречён, имело в виду совсем иное.

– Ты всегда писал то, что когда-то было. Прямо на твоих глазах, или в далёком прошлом. Но того, что я сейчас вижу на холсте, ещё не случилось. Картина – о будущем. Ты понимаешь это, Франсиско?

Её эмоции, прежде сдержанные, неожиданно хлынули через край. Муза, зло и испуганно сверкая чёрными глазами, схватила его за плечи. Принялась трясти. Казалось, что она готова расплакаться.

– Ты понимаешь это?!

Гойя никогда об этом толком не задумывался, лишь имея основания догадываться о наличии у себя одного крайне необычного дара. Того дара, что близок к божественному, если начистоту: возжелал – и стало так. Лишь перенеси мысль на холст.

– Ты, дорогая, всерьёз? Ты хочешь сказать, что мадридцы действительно поднимутся против оккупантов Наполеона просто потому, что напишу картину о том, как это вижу?

– А ты не веришь, Франсиско?

– Когда же я тебе не верил...

Художник перевёл взгляд на холст. По большому счёту, работа была уже практически закончена. Чего здесь не хватало? Быть может, пара мазков, штрихов совсем незначительных – и можно ставить подпись. Вот только стоило ли заканчивать картину, если тот старый-старый разговор с таинственным римским незнакомцем – вовсе не пьяный бред? Если действительно Кто-то или Что-то одарило живописца подобной силой: творить реальность силой своей кисти?

По крайней мере, незримая и неслышимая для всех Муза была с ним все эти годы. В её реальности Франсиско Гойе не приходилось сомневаться. Голос этой средиземноморской красавицы – давно уже единственный звук, которым художник мог наслаждаться.

Прошло почти четыре десятка лет с тех встреч в Риме. Музу в свою жизнь Гойя принял, и об этом ни разу не пожалел. Что же до иной одарённости... быть может, никогда не хватало духу проверить? Или просто не было достойного повода. Поворотного момента истории, в который настоящий творец не может позволить себе промолчать.

– Не медли. – произнесла она шипящим тоном, глядя исподлобья. – Ты должен что-то решить. Или сожгли это полотно, и забудь о нём. Или...

– Что «или»?

– Или припиши дату. Назначь день восстания, и прими все его грехи на себя.

Гойя усмехнулся. Муза явно брала на себя слишком много. Кем бы это существо в действительности ни являлось – ангелом или демоном, но уж точно не ей решать, чью душу отягощают грехи. Те грехи, которые скоро совершатся на мадридских улицах.

Он посмотрел в окно. Над Мадридом не висело ни единого облачка: исключительно мягкая синева ласкающего взор оттенка. Почему-то Гойя был уверен, что в этот час над всей Испанией – совершенно безоблачное небо. И ясно, что это ненадолго: с его ли помощью, или без таковой.

Франсиско подумалось, что это очень удобное оправдание. Фердинанд и Карл под арестом в Байонне, и кого же Бонапарт поставит теперь править своим обманутым союзником? Блистательного маршала Мюрата, или этого хлыща – Жозефа, своего жалкого старшего братца? Ни того, ни другого испанцы всё равно не примут. Восстание случится, так или иначе, и вопрос здесь только один.

Простой вопрос. Приложит ли Гойя к событиям свою руку, сжимающую кисть, или же останется в стороне?

– Ответь мне на один вопрос, дорогая.

– Я слушаю.

Вопрос был тот же самый, но художник сформулировал его немного иначе.

– Я написал более сотни картин, и что же было изображено на них? Портреты придворных, религиозные сцены... чушь, как мне теперь кажется. Ты полагаешь, что художник должен соблюдать нейтралитет? Он, вообще, имеет такое право? Я понимаю, дорогая, к чему ты сейчас призываешь. Ты хочешь, чтобы я заперся в башне из слоновой кости. Но...

– Я не вправе указывать. И уж точно, ты не мой пленник в какой-то там башне. Эта ваша библейская метафора, она... ах, забудь. Я умею только вдохновлять.

– Так значит, ты вдохновила меня и на эту картину?

Её красивые губы изогнулись в странной эмоции, которую Франсиско не сумел уверенно прочесть. Ответа так и не последовало.

И тогда живописец решил, что он уже слишком стар для страха. Тонкая кисть оставила на холсте его подпись, и она же начертала ту дату, которую он избрал этим солнечным, безветренным апрельским днём.

«Второе мая 1808 года в Мадриде». Так Франсиско Гойя и назвал свою картину.

* * *

До второго дня мая Гойя дожил в одиночестве: Муза редко оставляла его столь надолго, но теперь совсем не показывалась. Художник понимал, что его не бросили: так, временная размолвка с единственной истинной любовью. Женщин он знал в своей жизни достаточно, и любая способна была хлопнуть дверью: своенравная ли испанка, чувственная француженка, или страстная итальянка.

Но только не она, конечно же.

Гойя, лишённый слуха, неспособен был различить канонаду артиллеристов Мюрата, и треск ружей гренадёров его гвардейского полка. Но он точно знал, что именно эти звуки наполняли утром прозрачный воздух перед королевским дворцом.

Что привело людей на площадь? Наглость Мюрата, требовавшего выслать в Байонну и младших детей короля Карла IV— устранив всякую угрозу власти французов над Испанией? Возможно. Хотя за последний век величие империи, рождённой в браке Фердинанда и Изабеллы, порядком померкло – но многие ещё помнили, как прежде Испания ставила Францию на колени. И что же теперь: становиться самим?

А может, всё дело действительно заключалось именно в написанной им картине. Неспроста же совпала дата? Разумеется, Гойя никогда и никому не сказал бы, что написал «Второе мая в Мадриде» до восстания, а не после него. Незачем об этом кому-либо знать. Это тайна: его, и Музы.

Стрельбы, грохота пушек, криков ярости и боли, Франсиско не слышал, но кое-что он видел из окна квартиры. Он видел мадридцев: вперемешку – простые оборванцы и хорошо одетые идалго, спешно возводящие баррикады. Тёмные мундиры наполеоновских солдат, собирающиеся в тучу где-то выше по улице, вдалеке. Почему-то он знал, что не только простые горожане сражаются сейчас с оккупантами: вдалеке от дома художника, у казарм Монтелеон, также кипел бой.

Все испанские войска робко остались под своими крышами, устранившись от происходящего. Все, но только не люди из Монтелеона, ведомые Даоисом и Веларде. Гойя знал, что оба обречены. Сам не догадывался, откуда именно, но просто знал.

Не требовалось бы человеком, очень сведущем в политике и военном деле, чтобы догадаться: это восстание – никак не конец, а только начало. Начало тяжёлых и кровавых времён, однако Гойя полагал, что самый тёмный час всегда приходит перед рассветом. И его будущее нисколько не пугало.

Испугало Гойю другое: стук в дверь.

Стук, который он никак не сумел бы услышать, стоя по ту сторону двери обычный человек. Раз уж глухота не помешала – значит, художника нынче навещал Кто-то другой. И это точно была не его Муза: она-то всегда являлась безо всяких церемоний. Живописец, иной раз, утром мог просто обнаружить её в собственной постели – хотя засыпал один.

Пришлось открывать, конечно же.

В квартиру вошёл человек, которого Гойя не видел почти четыре десятка лет: и за эти годы его нынешний посетитель ничуть не изменился. Всё то же молодое лицо типичного итальянца, немного смуглое, обрамлённое смолистыми волосами, обращающееся к миру необыкновенным взглядом. У юноши были тёмные глаза кого-то очень старого, и очень мудрого.

Во рту пересохло. Гойя – и давным-давно в Риме, и теперь – одинаково ясно догадывался, с кем имеет дело. Но не смел озвучить такую догадку даже в собственной голове, оформить её в осязаемую мысль.

Человек в чёрном улыбался. Оставалось играть роль радушного хозяина.

– Желаете выпить, сеньор?

– Если нальёте мне хорошей мадеры, я выпью мадеру.

– Сию минуту. Присаживайтесь.

Хрустальные бокалы наполнились терпким напитком, и свой художник осушил мгновенно – не посчитав нарушением этикета снова его наполнить. Человек в чёрном продолжал улыбаться, и улыбка эта была до того жуткой, что подобный портрет Гойя никогда не осмелился бы написать.

Визитёр, пригубив мадеру, заговорил:

– Вы, сеньор Гойя, написали удивительно точную картину будущего. Я был сегодня возле королевского дворца: занятное вышло зрелище. Знаете, это столь будоражит меня... до сих пор будоражит, словно впервые вижу подобное. Хотя, если честно, все восстания одинаковы. Одно и то же видел я, ещё со времён Шумера, пожалуй... века слагаются в тысячелетия, а вы, человеки – нисколько не меняетесь.

– Угодно вам шутить...

– Какие тут шутки? Это было по-своему прекрасно. Всё это отчаянное мужичьё, воображающее себя наследниками славы терций герцога Альбы. Как легко они пошли на французские штыки! Я думаю, что Бонапарту здесь не победить. Никогда не видел во Франции того качества, которое очевидно проявляется в вашем народе.

– Вы льстите моему народу, сеньор.

– Нисколько. Иначе я бы не провёл в Испании так много времени. Помните того голландца, времён Восьмидесятилетней войны? Как его звали... дурацкое имя, но вы поняли, о чём я говорю. «Чудо при Эмпеле». Забавно он сетовал тогда: мол, кажется, Господь – испанец... ах, смешная шутка!

И человек в чёрном действительно расхохотался. Гротескно и громогласно, хватаясь за живот и расплескав мадеру из бокала: она пролилась на пол, как лилась сейчас на мадридские мостовые кровь. Неожиданно он замолк, и снова сделался серьёзным. Пугающе серьёзным. Даже страшным. И произнёс:

– Не стану судить, кто по национальности Господь. Но я сам частенько бывал на испанской стороне, частенько.

– Не считите за дерзость... – Гойя рассудил, что имеет право взять инициативу в свои руки. – Но я не думаю, что вы нанесли мне визит, спустя столько лет, ради разговоров об истории. Или для рассказа о том, что творится сейчас на улицах Мадрида. Это я узнаю из газет. Я полагаю, что...

– ...что у меня к вам дело?

– Именно так.

– Что же, сеньор Гойя, вы совершенно правы. Освежите наши бокалы, будьте добры.

Художник не слышал этого приятного булькающего звука, с которым вино лилось в хрусталь. Только голос собеседника, ничего иного.

– Итак... меня, господин живописец, позабавила эта ваша идея с картиной. «El dos de mayo de 1808 en Madrid», верно? Я правильно это произношу?

– Ваше испанское произношение весьма чистое.

– Окажите любезность: проговорите название сами. Я желал бы насладиться тем, как звучат эти слова из уст настоящего испанца.

Разумеется, Гойя никак не мог отказать. Он произнёс название картины на испанском, и даже дважды. Человек в чёрном захлопал в ладоши.

– Великолепно! Премного вам благодарен. А теперь – наконец-то, к делу. Я рад, что вы, сеньор Гойя, всё-таки нашли в себе силы воспользоваться моим подарком... или наконец-то уверились, что тот разговор не был какой-то шуткой. И написали то, что желали увидеть. Но вы помните наш уговор? Услуга за услугу. Не волнуйтесь, речь не о душе, или чём-то подобном, хотя плату я желаю попросить немалую.

– Какую же?..

Глупо было бы скрывать, что Франсиско обрадовали слова о душе. Мало ли, что... как говорится, когда пляшешь с Дьяволом – нужно слушать музыку, а вот слух-то он как раз и утратил.

– Всё очень просто. Я хочу заказать у вас картину.

– Какую картину?..

– О, а вот здесь начинается самое интересное.

Человек в чёрном, тяготеющий к личине юного итальянского аристократа, поднялся со стула. Совершил круг по мастерской художника, внимательно разглядывая всю обстановку, все принадлежности мастера. Гойя неотрывно следил за его движениями. Неосознанно оценивал их, как живописец, примерял на будущий холст... нет. Нет! Такой картине точно не быть.

– Сеньор Гойя, вы должны понимать, что тем полотном приняли на себя определённую ответственность. Кровь, что заливает сейчас мадридские улицы – она и на ваших руках. Хлещёт прямо на белые стены вашей башни из слоновой кости. Вы это осознаёте?

Франсиско едва преодолел ком, подкативший к горлу.

– Вполне.

– Славно. Так вот, вы должны написать ещё одну картину. Догадываетесь, что на ней будет изображено? Совершенно верно. Последствия сегодняшних событий. Вы разогли восстание своей кистью – вам же писать и тёмную его сторону. Напишите, как предстоит умирать вашим отважным соотечественникам.

– Я правда должен?..

– Конечно, сеньор. Невозможно просто занести меч, не опустив его на чью-то шею, и не увидев крови. Да, её неизбежно видит каждый, кто держит в руках оружие. А кисть, если подумать – немногим-то от меча и отличается. И ещё одна маленькая просьба...

По спине пробежала капля холодного пота. И от мысли о том, что придётся собственной кистью творить нечто гораздо более тёмное, куда менее героическое... и от этой оговорки. Какова же просьба? Ох, кажется – этот вопрос прозвучал вслух.

– Мне понравилась идея с названием, устанавливающим дату. Словно документ. Приговор... тонко, сеньор Гойя, очень тонко. Ваша новая картина будет называться «Третье мая 1808 года в Мадриде». И вы напишете её сегодня же. За один день.

Франсиско едва не вскочил со стула, услышав подобное.

– За один день! Но это же невозможно!

– Невозможно? А многие сказали бы, что невозможно загодя написать картину, события которой в точности совершатся к назначенному художником часу. Но ведь у вас получилось, правда? Сеньор, я сказал вам всё, что желал. Приступайте к работе.

Человек в чёрном водрузил на голову свою модную шляпу, и взял в руки трость – явно обозначив, что намерен немедленно покинуть квартиру художника.

– Я даром времени не трачу, а дел в этом городе сегодня ещё по горло. Удачи в вашем творчестве.

Гойя не стал запира́ть дверь за визитёром, вовсе не стал его провожать. Он ещё долго сидел за столом, пока открытая в честь встречи бутылка совсем не опустела. Руки тряслись, и вовсе не из-за опьянения.

Что написать ему теперь? Как вершить судьбы людей, которых художник собственной же кистью вывел на площадь? Готов ли он платить такую цену за великое – для живописи и самой испанской истории, полотно?

Франсиско Гойе потребовалось прожить шестьдесят два года – почти ровно шестьдесят два, лишь на месяц с небольшим больше, чтобы понять: да. Ради великого искусства, и ради великой страны, он готов на подобное. Гойя почувствовал себя непобедимым, истинным Творцом, когда впервые представил в голове сюжет и композицию «El tres de mayo de 1808 en Madrid».

* * *

Первая картина изображала ясный день, на этой же стусился ночной мрак. Обезличенный, идеально ровный, тёмно-серый строй французских солдат был противопоставлен здесь бурлящему беспорядку жизни людей, стоящих спиной к стене. Этим жизням вот-вот предстояло оборваться. Трупы лежали на переднем плане, фигуры восставших на заднем выражали отчаяние, и только один персонаж отличался от всех прочих. Отличался очень ярко.

Смуглый испанец в белоснежной рубаше стоял на коленях – но всё равно был выше гренадёров Мюрата, даже в некоторое нарушение законов перспективы. Гойя видел в его колоссальном росте воплощение той мысли, греющей душу патриота, которую утром озвучил мрачный посетитель.

Главный герой картины встречал французские пули грудью. Он широко раскинул руки, и очевиден был здесь образ распятого Христа – хотя сам художник не вполне закладывал такую мысль, лишь намекал на неё. Герои и мученики – немного разные люди.

Вечер второго мая только начинал опускаться на Мадрид, а работа уже была практически завершена. Невероятная скорость, лежащая за пределами человеческих возможностей – но объяснение чуду было столь простым, что Гойя даже не утруждал себя размышлениями о подобном. Думал он о другом. О том, что именно его кисть, этой же ночью, будет направлять мушкеты расстрельных команд Мюрата.

Всё имеет свою цену. И творчество, и борьба за свободу. Эти явления чем-то похожи: оба основываются на порыве, оба предполагаю вызов.

Гойя внезапно ощутил, что вновь не один в комнате-мастерской. Это милое, родное его душе создание, подступило сзади с привычной деликатностью. Приобняло за плечи, нежно коснулось губами шеи – обнажённой распахнутым воротом сорочки.

– Ты же не думал, что я тебя бросила, Франсиско?

– Конечно же, нет.

Муза снова поцеловала живописца – теперь уже в щёку, и внимание своё перенесла на холст. Гойя как раз наносил мазки, уточняющие выражение лица центральной фигуры. Этого испанца в белом он старался сделать одновременно и сильным, и слабым. И героем, и жертвой. И патетическим, и трагическим образом. Кажется... получалось?

– Тебе нравится, дорогая?

– Конечно. Но мне интересно, что ты сам думаешь об этой работе.

– Что думаю...

Франсиско отложил кисть. Утёр пот со лба, и крепко обнял Музу, с силой прижал её к себе. Она всегда легко позволяла подобное.

– Я написал больше сотни картин, и все – чепуха. Но в этих двух есть что-то совершенно иное. Они другие. Они великие, не побоюсь сказать даже так! Я остаюсь в своей башне, но может... впервые выглянул из неё, что ли? На старости-то лет, смех и грех, к тому же...

Речь Гойи прервал поцелуй в губы. Муза любила его талант художника, а не оратора, и верно – не желала сейчас выслушивать длительных речей. К тому же, ей и самой было, что сказать.

– Ты не первый, кто сотворил историю, создавая картину. Думаешь, Веласкес написал «Сдачу Бреды» в 1635 году? Глупости. На самом деле, он создал это полотно на десять лет раньше. Воплотил на холсте событие, которое лишь после этого свершилось. Так и поступают настоящие художники... да, ты не первый. И далеко не последний, если хочешь знать.

Тут на ум Гойе почему-то пришло слово «Герника». Хотя он так и не понял, при чём здесь этот старый бискайский городок... неужели и с ним будет связано когда-то нечто подобное?

Два призрака и НКВД

Михаил Мочалов

I

Нечисто стало в квартире №1. То есть грязно в той коммуналке было всегда, на памяти жильцов, заселившихся в восемнадцатом году после национализации московской жилплощади, так уж точно. А вот теперь стало нечисто в другом смысле: призрак там объявился. Стучит, визжит и воет по ночам, детей малых пугает, пишбарышень обрушивает в обмороки, пролетарских бабёнок, что психикой да сознанием потвёрже будут, нервирует... И что теперь с ним делать?

Правду сказать, Фрол Северьянович Полуэктов, ответственный квартиросъёмщик квартиры №1, поставивший только что перед собою этот вопрос, в душе своей понимал прекрасно, что надлежит предпринять. Батюшку сговорить за божедкую плату, вот что. Пусть бы свои церковные песни попел, кадилом помахал бы да святой водой все углы обрызгал. Однако о таком решении вопроса Фрол Северьянович побоялся бы заикнуться даже своей супруге Анке, не то чтобы довести до общественности. Ведь на дворе 1928 год, десятый, нет уже одиннадцатый год пошёл, как свершилась великая Октябрьская революция, ведь сегодня двадцать пятое декабря, вторник, и вот-вот наступит двадцать шестое. Рождество по-старому, то есть... Но о каком попе может идти речь? Если ходят слухи, что партия не сегодня-завтра объявит о новом усилении беспощадной борьбы с религиозными предрассудками? Если даже перед Рождеством новое дело – ёлки запрещено в Москве продавать? Мужиков с ёлками прямо с бывших ёлочных базаров милиция тащит в кутузку. Тут позовёшь священника – и окажешься там, где «ты меня видишь, а я тебя нет».

Фрол Северьянович соединил перед собою указательные и средние пальцы обеих рук в решётку и покосился на большие напольные часы. Там фигуристо изогнутые стрелки практически уже соединились, вот-вот... И часы начали отбивать полночь, только их дребезжание тотчас же перекрыл громкий, прямо-таки громовой стук в дверь. Ответственный квартиросъёмщик вздохнул: настал его черёд, хорошо ещё, что Анка на дежурстве в своей Боткинской больнице. Снова! Теперь дверь комнаты едва с петель не слетела. Оттуда пахло отвратительным зловонием, и хлынул в комнату такой жестокий холод, будто и не топились вовсе.

– Войдите! – и, мысленно попросив у родной ВКП (б) прощения, сложил Полуэктов указательные пальцы крестом.

И тотчас привидение просочилось через дверь и встало, вроде как посетителем-просителем, на домотканой «дорожке», как раз на полпути до круглого стола, за которым привычно восседал Полуэктов. Словно давало оно на себя полюбоваться. Присмотревшись, похолодел Фрол Северьянович, а в штанах горячо, напротив, стало. Уписался потому как. Но огорчение от этой неприятности помогло оклематься. Рассердился на себя квартирный начальник, а оттого сумел побороть ужас и в призрак всмотрелся пристально, уже будто другими глазами.

В комнате под потолком горела лампочка Ильича на полста свечей, и при её свете выглядело зеленовато-голубоватое привидение довольно-таки бледным. Полупрозрачным притом. И прежде, чем заговорило оно, отметил ответственный квартиросъёмщик старорежимность призрака во всех смыслах, старомодность тоже. Что на бородёнку посмотреть, что на шевелюру, что на визитку – тогда как добрые люди ходят если не в полувоенном, то в толстовках и галифе, а если не в толстовках, то в рабочих спецовках, пошитых из качественного шевиота... А вот глазищи выпученные, это нечто! Горят зелёным огнём, словно у кота, готового украсть котлету. Эх, напомнил этот старопрежний буржуй и времена довоенные, неповторимо сытые.

Теперь такого кота бабы забили бы сковородками и повесили бы прямо на чёрной лестнице... Да что ж он молчит-то? Ведь ораторствовал уже на кухне перед жилищами...

– Ты кто, полупочтенный? – взвизгнул вдруг незванный гость.

Фрол Северьянович даже обидеться не успел. Ответил сущую правду:

– Главный я в квартире, гражданин. А вы кто?

– Тебя-то мне и нужно, дворник. А то полон мой особняк тупых мешанок, и мне, хозяину, понять их бред никак невозможно. Ты же мне ответишь на три вопроса. Первый...

Опомнися, наконец Полуэктов, на «дворника» обидевшись. Числился-то он в ведомственной охране, но основной доход ему обеспечивали жилы коммуналки. Стукнул Фрол Северьянович кулаком по столу и прикрикнул:

– Не тебе, хмырь зелёный, тут распоряжаться. Все хозяева давно в штабе Духонина или...

– Молчать, Фролка! – взвизгнул призрак и повёл зелёными очами по комнате. Тотчас же четыре большие стеклянные банки с соленьями и вареньями, стоявшие на шкафу, звякнули жалобно и раскололись. Содержимое потекло вниз по лакированной дверце, резьбой покрытой, причудливо на пути смешиваясь. Сквозь ужасную вонь пробился дух застарелого огуречного рассола. Фрол Северьянович схватился за голову. И какое теперь, спрашивается, наказание над ним Анка учинит? Почувствовал он, что складывает перед собою руки умильно, голову склоняет, и свой дрожащий голос услышал:

– Спрашивайте, чего желаете! Не погубите только вконец.

– Почему мой особняк набит простонародьем? Это что ж – эвакуированные? Тогда с кем воюем?

– Да ни с кем покамест не воюем, гражданин. Только в гражданскую войну советская власть уплотнила буржуев в их роскошных квартирах, подселила к ним семьи пролетариев. Вся жилплощадь теперь принадлежит советскому государству. Вот такая петрушка.

Призрак помолчал. Снова пошарил взглядом по комнате, и с ужасом догадался Фрол Северьянович, что ищет страшный посетитель, чем бы опять нашкодить.

– Подселила, говоришь... Понятно. Тогда почему же не нашёл я в доме жену свою Марию Абрамовну Смагину и дочерей Ксению и Марфу?

– Так это ваши были супруга и доченьки? Ясенько мне теперь... А из квартиры выселены они как лишенцы, то есть как лишённые гражданских прав буржуйки. Годка три тому назад, уже на моей памяти...

Тут Полуэктов в ужасе зажал себе рот. Но призрак, похоже, не его лично, букашку ничтожную, считал повинным в бедах своей семьи. Он задумался, призрак, и размышление сказалось на окраске полупрозрачной зеленовато-голубоватой его фигуры: пошли по ней более яркие и сочные голубые волны. Изменения не затронули только два больших чёрных пятна на груди, одно на шее и одно в паху. К ним Фрол Северьянович побоялся присматриваться.

– Ясно, что отпадает следующий мой к тебе вопрос, – прозвняло, наконец, привидение. – Ибо если выселены мои жена и дочери как буржуазки, то и мне ты, тварь перед красным начальством трепещущая, не посмеешь выделить комнату для жилья. Так что я поселюсь, пока суд да дело, в ванной. И чтобы не шастать теперь туда всякой сволочи! Коль вы тут все пролетарии да пролетарки, то незачем вам ванну принимать, а рожи умыть и на кухне сумеете. Это два. Ты, Фролка, разузнаешь, где обретаются теперь моя жена и дочери. Повторить, как зовут – или и с первого раза запомнишь, обалдуй?

– Никак невозможно разузнать, гражданин... – заикнулся было Фрол Северьянович, но был остановлен гневным взором. Потом призрак метнул взгляд на трюмо чёрного дерева – и зеркало в нём звонко треснуло. Сперва пошла трещина зигзагом наискосок, потом рядом зазмеились мелкие чёрные кривули, а там и осколки высыпались, больше на подзеркальный столик. Там вторично зазвенело, теперь тоненько, и духами резко пахнуло – не дай бог, Анкиной «Красной Москве» крышка! Трюмо у Полуэктовых старомодное, поедено-таки шашелем,

с темноватым зеркалом, мухами засиженным, и с пятнами отставшей амальгамы. Главное же, не стоило оно Фролу Северьяновичу ни копейки, но он огорчился до такой степени, что беззвучно заплакал. И перед чем теперь будет Анка пёрышки чистить? К тому же по сердцу резануло, когда на месте зеркала открылся прямоугольник ярких, не выцветших обоев. Подчеркнув словно бы, что обои в комнате он так и не переклеил. Хоть из дому сбегай...

– В моей детской, где доченьки малютками воспитывались, обитаешь, на моем стуле в стиле чиппендейл сидишь, с моей кузнецовской тарелки ешь, моих часов фирмы «Gustav Becker» бой слушаешь – а не желаешь, мразь ты упрямая, моих поручений исполнять!

– Да не нужны мне ваши часы, гражданин призрак, забирайте! – возразил, сам удивляясь собственной смелости, Полуэктов. – Только бьют через всю ночь, супруге спать не дают! Я, быть может, уже давно себе ходики присмотрел, с портретом товарища Калинина, вот, со звездой на маятнике и за сходную цену.

В следующее мгновение задние ножки стула подломились, и Фрол Северьянович грохнулся на паркет. Ушиб локоть, и тотчас же острой болью отозвалась давно зажившая рана на ягодице, полученная под Каховкой. Призрака скрывал от него стол, покрытый скатертью, но зеленоватые отсветы над лохматой головой страдалец мог наблюдать и визгливое распоряжение, хотел не хотел, пришлось выслушать.

– Даю на поиски неделю. Советую и в ЧК навести справки, тем убийцам всё про всех ведомо. Да, уж коль ты столь любезен, этой же ночью перенеси мои часы в ванную.

Охая, поднялся Фрол Северьянович с пола. Призрак уже исчезал в дверном полотне, из коридора донёсся женский вопль. Весь перекошенный, Полуэктов завёл глазки-щёлочки под лоб, вычисляя жилищу по голосу. Ну, конечно же, Манька-парикмахерша – а вот не надо было подслушивать под дверь!

II

Вопреки опасениям квартирного начальника, его супруга Анка, вернувшись с дежурства и увидев следы разгрома, рожу ему не расцарапала. Выругала, поколотила кулачками по спине, не без того. После поплакала над трюмо и над разбитым флакончиком «Красной Москвы», строго настрого запретила смотреться в осколок зеркала. И подытожила, позёвывая:

– Не твоего это ума дело, Полуэктов. Поди, организуй мне чайку с устатку, а я пока пошевелю мозгами, коли не засну.

Фрол Северьянович безропотно поплёлся на кухню. Он давно уже признал умственное превосходство своей жены, хоть и младше она на одиннадцать годков. А сейчас даже не додумал до конца свой обычный в таком разе, вот только непроизносимый, про себя, вопрос: «Если ты, Анка, такая умная, отчего санитаркой горбатишься, а не главврачом?». Отвлёкся потому как на разжигание примуса.

С приятным звуком хлебнув чаю с блюдечка, Анка откусила от кусочка сахара своими молодыми крепкими зубами и заявила:

– Знаю я тебя, Полуэктов, знаю, как облупленного. Часы наши исчезли – оттащил, небось в ванную? И замок на ванную навесил?

– Где ж я вот так сразу замок возьму, Анечка? Такие дела с бухты-барахты не делаются. А вот записку на дверь прикнутил, что закрыта ванная на ремонт.

– Так, так... И сроку тебе дадено неделю. Что в приёмную на Лубянке с этим делом лучше не соваться, ты сам смикитил, но и в адресный стол тоже не ходи. Ты, Полуэктов, годишься только тактические вопросы решать, а в стратегии дурак дураком... Чего буркалы-то вылупил, разве я что-то не так сказала?

– В стратегии, Анечка...

– А я как молвила?! – вытаращила и Анка свои голубенькие, слишком близко расположенные глазки. – Так вот, ты же сам мне сказывал, что хозяин дома, строительный подрядчик Смагин, был взят ЧК в заложники после покушения на товарища Ленина и моментально расстрелян. Это ведь тот буржуй вернулся в образе призрака – ты не ошибся, Полуэктов? А ты врага советской власти поселил в квартире, вернул ему дорогие часы и собираешься исполнять его поручения. Ополумел ты, что ли? Да ты, Полуэктов, уже заработал себе отправку на Соловки, это если повезёт тебе. И меня, грешницу, за собой в яму тащишь.

Услышав это слово, «грешница», Фрол Северьянович забыл о прискорбных обстоятельствах их беседы и плотоядно облизал губы. Он так и не решил для себя, предпочёл ли бы иметь для себя Анку только глупым куском мяса, лакомым кусочком белой, нежной, благоуханной плоти, укрытой сейчас в бабские тряпки. Ведь её цепкий, практичный ум не раз уже оказывался полезным для их маленькой семьи.

– Выход у нас один, Полуэктов. Не угождать призрачному врагу народа, а ликвиднуть его, покуда никто на тебя доноса не накатал. Ты прав, что святая вода отпадает. Но разве не живёт у тебя в квартире Васька Немоляев? Он мне по пьянке задвигал, что служит в секретной физической лаборатории. Занимается будто бы тончайшими состояниями веществ. А призрак, разве это не тончайшее состояние вещества?

– Когда это Васька задвигал тебе, Анна Николаевна? – осведомился горестно Анкин муж и скрипнул зубами. Хотел он спросить и насчёт, чего задвигал, однако не решился.

– А на масленицу, Полуэктов. Ты тогда дрых, в дымину пьяный. Вот прямо сейчас к нему и вали. Без меня, я спать ложусь, да и такие дела лучше делать без свидетелей, между четырёх глаз. Прихвати из заглазника бутылку «Московской», если привидение не расколо-тило. И собери солёных огурчиков со шкафа сверху. Отмой только от пыли и стекла. Вот вам и закуска.

– Да куда ж я пойду? Немоляев ведь на службе сейчас.

– Разве? Это я засыпаю уже... Ну, так дожись вечера. А пока займись замком для ванной, вот.

Ближе к вечеру Фрол Северьянович, дежуривший у полуоткрытой в коридор двери, услышал характерные пришаркивающие шаги жильца Немоляева. Тотчас же метнулся к столу, подхватил с него поднос с бутылкой и огурцами на блюде. Бросив поспешный взгляд на кровать, где продолжала похрапывать Анка, мысленно перекрестился.

– Войдите!

Немоляев уже снял свой вечный берет с рано облысевшей головы и расстегнул пиджак. При виде посетителя он поднял было руки к пуговицам и петлицам, да передумал.

– Чем обязан, товарищ? – спросил вежливо.

Не дожидаясь приглашения сесть, гость придавил подносом лежавшие на столе бумаги, туда же переправил с единственного в комнате стула книжки без переплётов и уселся. Вздыхнув, хозяин огляделся, вытащил из-под антресолей табурет-стремянку, придвинул к столу и присел тоже. Фрол Северьянович решил не тратить времени даром и принялся рассказывать о призраке. А когда жилец поинтересовался, причём тут он, Немоляев, квартирный начальник воскликнул:

– Так ведь если попа хрен пригласишь, одна надежда на вас, товарищ дорогой! Если нельзя святую воду задействовать, то неужели у нашей советской науки не найдётся средства против призрачного буржуя? Кислотой надоеду какой-нибудь облить – и конец делу!

Немоляев возрился на него с обидным удивлением. Хохотнул невесело и протянул:

– Кис-ло-той? Тогда вам химика надо искать, а я физик. Но и я вам скажу авторитетно, что кислота едва ли поможет. Вот вы, вы пробовали брызгать на привидение кислотой? Нет? И не советую! Да-с... А скажите, зачем вы водку притащили? Рождество желаете отметить?

– Упаси господи, я ж партийный! А магарыч это, товарищ Немоляев. Чтобы легче было нам с вами договориться...

– Я вообще-то не пью. Но... Ладно, в порядке исключения. Вы, товарищ Полуэктов, из мензурок научены ли сорокаградусную употреблять?

– Пробовал я, не пошло мне... Уж лучше я домой за стопочками сбегая. Одна нога здесь, другая там.

Пока бегал Фрол Северьянович, на столе поубавилось бумажек, зато возникла кровавая колбаса, разрезанная на обёрточной бумажке. Хозяин и пошевелить мозгами успел.

– Призрак может быть явлением духовным, тогда он живёт только в вашем сознании. Впрочем, нет... Мне он тоже своими криками да стуками спать мешает. Но то, что он сумел испортить вашу... то есть бывшую свою мебель, заставляет нас отбросить гипотезу... ну, догадку о его духовной природе. А если он материален, то состоит из материи. Да-с... Только в особом состоянии, понятно. Судя же по вашему рассказу, это упорядоченная структура элементарных частиц. То есть тончайшее состояние материи.

– Вот-вот, то же самое моя Анка говорила... Ваше здоровье, товарищ Немоляев!

– И ваше, товарищ Полуэктов! Впрочем, называйте меня лучше Василием... А ваша супруга – умнейшая девушка! Ей бы пойти на рабфак да получить полное медицинское образование – большую бы сделала карьеру! А почему бы вам не пригласить её сюда, чтобы поднять уровень обсуждения?

– Отдыхает Анна Николаевна после суточной смены, – пробурчал Фрол Северьянович. Но продолжил любезно. – А меня зовите просто Фролом. Вы заедайте, заедайте солёным огурчиком, а потом расскажите, как справитесь с буржуйским привидением.

– Спасибо... Ой! – Василий перестал жевать, выплюнул осколочек стекла. Положил остаток огурца на поднос рядом с тарелкой, взглянул на гостя укоризненно... И вдруг оживился. – У меня порез во рту! Надо бы продезинфицировать...

Продезинфицировали. Физик пояснил, что точно определить состав мерцающего зелёным призрака не смогла бы и вся его лаборатория, однако... Уж если общая композиция светится, там есть фотоны и электроны. А они поддаются воздействию магнитных полей. Следовательно, необходимо собрать устройство, чтобы обездвигить призрака и переместить его в пространство, закрытое со всех сторон и окруженное защитным магнитным полем.

– В гроб, что ли? – хитро прищурился Фрол Северьянович.

– Не обязательно, Фрол. В ящик соразмерный и магнитами со всех сторон обеспеченный. Надо бы алюминиевый, но и фанера сойдёт.

– Отлично! Это подешевле будет. Да и ящика не нужно! Есть у меня старый свадебный сундук. Точнее, не мой, а этого же зелёного хмыря. В кладовке стоит. В моей кладовке, то есть за собой её оставил как нежилую площадь.

– Хорошо. Это удешевляет процедуру. Но придётся собрать устройство для отлова призрака. Что-то вроде большого магнитного сачка. Вот здесь на дешёвизну не надейтесь!

– А где я денег возьму? – изобразил на всякий случай сироту казанскую Полуэктов.

– И кто бы говорил, Фрол! Вот вздумали приbedняться... Электромагнитов надо не меньше пятнадцати, эбонита для изоляторов, проводов тонких и силовых, двужильных. Ещё купить новые надёжные выключатели и штепсель, всё лучше импортное. Столяру придётся заказать обод и рукоятку. Забыл! Для сундука нужны шесть обычных постоянных магнитов. И ещё материалы и лампочку для электрификации кладовки.

– И сколько будет стоить всё вместе? – прищурился заказчик. Водка ударила ему в голову, сам чёрт не брат теперь.

Заметно размякший физик вдруг пунцово покраснел. Поспешно отвёл глаза от собеседника. Слава богу, не знал Фрол Северьянович, почему такую блудливую рожу соорил учёный. А у того в ушах звенела гитара, и тенорок Лёвки Кацмана выводил: «Хас Булат удалой...».

– Так сколько за всё? Твоё слово, Василий! – настаивал Полуэктов. Теперь он понимал себя купчиной – щедрым, широкой русской души, однако не без задней мысли.

Слышал бы тогда, как проникновенно и душевно ответил ему Лёвка Кацман!

А за это за всё

Ты отдай мне жену.

Василий покрутил головой, избавляясь от наваждения. Посерьёзnel, зашевелил губами... Потом выговорил:

– На круг выходит пятьсот рублей. И аппаратура останется мне.

– Триста пятьдесят!

– Торга не будет, – грустно промолвил физик. – Дешевле просто не получится. Я и так посчитал себе за работу сто целковых всего. Смех один.

Фрол Северьянович сосредоточился. Он рассчитывал на тысячу, планируя скачать с жильцов каждой комнаты по триста рублей. Теперь его навар уменьшится, зато и заложить своих кровных придётся не в пример меньше. Отвернувшись на всякий случай, Фрол Северьянович добыл бумажник и отсчитал десять новеньких синих банкнот по пять червонцев.

Через неделю магнитный сачок и сундук были готовы. Физик успел, хоть работал только по вечерам, засиживаясь и за полночь. Правда, на это время выходной пришёлся. А ещё Новый год, обоими заговорщиками отмеченный бледно, под сурдинку.

Уже вооружённые аппаратурой, в ночь с четверга на пятницу поделники выдвинулись в коридор. Анка порывалась постоять на стрёме, но Полуэктов предпочёл запереть её в комнате. Василий полагал, что им очень не помешает ещё один участник для подстраховки, но ревнивый муж его не послушал.

Призрака удалось застать врасплох. Зеленовато-голубой буржуй мирно дремал или пребывал в глубокой задумчивости, возлегая на дне пожелтевшей и местами облупленной ванны. Затрепыхался, конечно, когда вихрастую голову с верхней частью туловища ему накрыл обод, утыканный электромагнитами. Заорал, но уже беззвучно, и не смог противиться, когда магнитным притяжением удерживаемого, потащил его физик из ванны в сундук, с грохотом вдвинутый в ванную бледным как смерть Полуэктовым. Сундуком едва не отдавило Василию ноги, но он не выпустил из рук сачка, пока квартирному начальнику не удалось захлопнуть над беснующимся призраком крышку с магнитом. При этом костлявые, с длинными синими ногтями пальцы привидения едва не ухватили Фрола Северьяновича за нос, однако он сумел преодолеть страх.

С двух сторон ухватив сундук за ручки, победители потащили его в кладовку, и Полуэтов, пытаясь, навесил на заранее привинченные дужки большой амбарный замок.

– Шалишь, буржуй! – радостно вскричал он. – Теперь никогда уже не станешь пугать моих пролетарских жилищ!

– Почему же никогда? – удивился физик, отдирая ладонь от рукоятки сачка. Лак, которым покрыл её старательный столяр, не успел толком высохнуть. – Разрядятся магниты – и свободен субчик...

– Это когда же они разрядятся-то? – осведомился Фрол Северьянович боязливо.

– Надо рассчитать бы... Боюсь, не до того мне сейчас, коллега.

Учёный отвечал рассеянно, потому что сосредоточился на отключении сачка от сети. На свой табурет-стремянку взгромоздившись, он осторожно вынимал штырьки штепсельной вилки из дырочек в «жулике», самодельном переходнике между патроном и лампочкой. Розетки в коридоре, на потолке украшенном лепниной, отсутствовали.

Увидев же, как огорчён его заказчик, Василий ухмыльнулся:

– Не мечите икру, на нашем с вами веку магнитное поле уж точно не исчезнет.

III

Сначала попыталось привидение Смагина уразуметь, что же, черт возьми, происходит в его сундуке, мудро полагая, что наскандалить всегда успеет. Теперь, после вторжения добавочного призрака, возникла неимоверная теснота. Башмак наглого пришельца упирался в голень, а прямо перед правым глазом торчало ухо, с противными волосками внутри. В вечной темноте сундука чужое ухо мерцало сине-зелёными как бы светлыми мазками, сквозь него смутно различалась коричневая цифра «20». Это просвечивала одна из двух тысяч ста шестидесяти семи керенок, ими неведомый идиот изнутри оклеил сундук. Пришлось бывшему хозяину особняка убивать время, в сундуке возлегая, вот он и ухитрился пересчитать сомнительные ассигнации. Нет, это же ни в какие ворота не лезет...

– Эй! Прекратите пинаться! – не выдержал, наконец, призрак Смагина. – И объясните, Бога ради, по какому праву меня уплотнили в моём помещении?

– Похоже, я тут прописан... Ну, что вы так остро реагируете? Я же не серьёзно. А водворили меня через крышку, в наибольшем удалении от магнита. Впрочем, в данном случае реальные физические параметры не имели значения.

– А по-человечески не можете объяснить?! Вы что же, хотите сказать, что меня все эти годы удерживал какой-то глупый школьный магнит? Тьфу ты...

– Долго объяснять... И почему это магнит глупый? Сначала разберёмся с пространством, а потом определим и время. Итак, мы с вами в сундуке, а он заперт в кладовке коммунальной квартиры №1 по адресу: Малый Мещанский переулок, 15? Я не ошибся?

– Нет, не ошиблись вы, – проворчал призрак Смагина визгливо. – Позволю себе только уточнить, что находимся мы в бывшем моём сундуке и в бывшем моём особняке. А зовут меня Авдей Петрович Смагин. Был я архитектором и подрядчиком.

Новый обитатель помолчал. Потом спросил смущённо:

– Ну, а что вы можете сказать о времени, в котором мы сейчас пребываем? Хотя бы по субъективным ощущениям, Авдей Петрович... Ах, да. Меня зовут Василием Семёновичем Немоляевым. Прошу любить и жаловать, как говорится. То бишь любить вам меня не за что, а вот жаловать прошу. Скорее уж пожалеть. Ведь это я вас в этот сундук засунул по заказу здешнего ответственного квартиросъёмщика. Мог бы и потемнить немного, потянуть с этим признанием, но предпочёл я сразу расколоться.

А у сундучного старожилы перехватило бы дыхание, если бы он дышал. До того рассвирепел, что и сказать ничего не мог, только пытался отдубасить светло-зелёного негодая, из-за тесноты не шибко в том преуспевая. Своё водворение в сундук он помнил плохо. Злодеи напали на него внезапно, размечтался тогда, как на грех, о том, как обставить своё явление любимой Машеньке и доченькам, те ведь на выданье уже. Дверь вдруг распахнулась, в ванну хлынул яркий свет... Тёмный силуэт, нечто вроде огромной теннисной ракетки без сетки, но обмотанной проводами... Паралич, темнота сундука, где сам только и светился зеленоватым...

Наконец, надоело привидению без толку копошиться и выкрикивать ругательства. Замерло оно, а прежде постаралось как можно дальше отодвинуться от ненавистного соседа.

– Ну, так-то оно получше, гражданин Смагин. А насчёт времени... Когда заперли вас, возникло у меня предчувствие, что так просто это нам, мне и Полуэктову, с рук не сойдёт. И как в воду глядел! Полуэктов поплатился первым. Году этак в тридцать втором он придумал пересадить вас в стеклянный ящик с магнитами и показывать в цирке, а то и возить по городам и весям. Поделился этим планом по секрету с супругой Анкой, попросил выгладить свой полувоенный китель. Сам начистил сапоги до зеркального блеска – и отправился на приём к директору 2-го цирка города Москвы. Больше его никто никогда не видел. Скорее всего, прямо в цирк приехала карета скорой помощи из больницы Кащенко.

– А не чекисты? – провизжал призракный Авдей Петрович. Он чувствовал, что вот-вот пересердится.

– Чекисты непременно учинили бы здесь обыск и потревожили бы вас.

– Резонно.

– Во всяком случае, Анка воспользовалась исчезновением своего мещанистого мужа и скоренько с ним развелась. Тем самым сохранила за собой комнату.

– А вы, похоже на то, немножко интересовались этой его Анкой...

– Интересовался ею? Я? Да я её, Анку, всё это время безумно желал!

Призрак Смагина захихикал. Звук был такой, будто подкачивали примус.

– Вы хотите сказать, молодой человек, что вы в эту даму влюбились?

– Увы! Я хотел сказать то, что сказал. Влюбиться – это нечто романтическое, так я понимаю. Мне же не хотелось держать Анку за ручку, и чтобы строила мне глазки. Я вовсе не хотел связывать с этой сучкой свою жизнь надолго. Потому что чересчур умна, бессовестна и зла. К тому же яркий образец московской мещанки, катастрофически необразованной и плохо

воспитанной. Да-с. Может быть, не очень и красива. Глазки, например, слишком близко друг к другу... Но тело её, поистине божественное тело... Увы, я вожделем к ней, вожделем безумно! И – пшик в результате, совсем как у Вертинского «на солнечном пляже в июне».

– Ох, уж эта молодёжь! Всё-то вы усложняете – или, напротив, чересчур упрощаете... Однако же показалось мне, что вы и о том хотели рассказать, как очутились в моём сундуке.

– Ладно, сосед, расскажу. Только и вы мне сначала поясните, отчего вы так странно, со звяканьем, выговариваете. Не любитель я, знаете ли, загадок.

– Да тут всё просто. Неприятны мне эти воспоминания, только куда от них денешься... При расстреле одна пуля попал мне в шею, видно, повредила гортань. А время... Когда я вернулся в эту квартиру, обнаружил на кухне табель-календарь на 1928 год. Был на шкафчик приклеен, все числа до половины декабря месяца зачёркнуты. Но вы, мой злодей, и сами, небось, помните, когда именно засунули меня в сундук. А здесь у меня не было возможности следить за временем.

– Вы правы, коллега, у меня операционные возможности для датировки получше. После исчезновения пройдохи Полуэктова я не подбивал клиньев к его Анке. Из деликатности, возможно, излишней. А в тридцать третьем начались у меня неприятности на работе, и я уж не захотел её впутывать. Был я известен как физик, печатался даже в академических зарубежных изданиях. Служил в одной секретной лаборатории... Э-э-э, послушайте, что это вы себе позволяете?!

– Ну, извините, гражданин. Грешен, люблю поковыряться в носу. Да ещё и за годы одиночества в сундуке распустился немного, манеры уже не те...

– Вы в моём носу ковыряетесь!

– Ах, простите великодушно, виноват. Так что вы хотели рассказать о секретной лаборатории?

– Расхотелось, знаете, рассказывать... Да и многого вам не понять. Я не о сохранении секретности беспокоюсь, ну её теперь! Пospорили мы с одним физиком так называемым об элементарных частицах, а он, гнида, и наката на меня донос в ГПУ, будто я классика марксизма-ленинизма Фридриха Энгельса охаивал. Отпустили меня с первого допроса, дал мне следователь, толстячок низколобий, пропуск на выход. И повестку явиться снова через три дня. Понял я, что они со мной поиграть решили, будто кошка с мышкой. Я пытался заручиться поддержкой у своего начальства. Где уж там? Побледнело начальство, руки дрожат, глаза отводит... Делать нечего, прихожу в ГПУ. И новое дело! Начинаются вопросы о том, где встречался с английскими коллегами и о чём именно с ними говорил. Отпустили снова – и опять с повесткой. На этот раз опричник в кепке, дождевом плаще и офицерских сапогах проводил до службы, а другой, так же принаряженный, со службы домой. По дороге я купил рыбку, на закуску колбасы ливерной. Посидел, подумал. Боли, коллега, я вовсе не терплю. Побоялся, что оговорю кого-нибудь. Хотел прощальную записку оставить, да только кому? Сирота я, и родственников не осталось. Анке написать и в голову не пришло. В общем, попрощался я с жизнью уже перед рассветом, когда и «воронки» мог подкатить. Воспользовался самым надёжным способом, если револьвера нет под рукой.

Помолчали. Потом призрак Смагина прозвучал со всей возможной деликатностью:

– И когда вы над собою это произвели?

– Ах, да... В ночь с шестого на седьмое ноября тридцать четвёртого года. Быть может, и не тронули бы меня на Октябрьские-то праздники.

– А как вы переместились в сундук из мира иного?

– Вот это самое интересное, – оживился загрустивший было призрак физика. – Я-то полагал, что гипотеза о бессмертии души ошибочна уже потому, что хранилище для всех имевшихся душ физически невозможно. Но практика всегда богаче теории, а материя сложнее, чем гипотезы о её строении. За неверие не был я наказан, и в Астрале попал в дистрикт учё-

ных мужей. И моя бессмертная душа там как сыр в масле каталась бы, если бы я не сглупил, не поспорил жестоко с Ньютоном. Сэр Исаак добился отправки меня назад с условием не возвращаться, пока квантовая теория света не будет доказана экспериментально. Уж не знаю, какому шутнику обязан я тем, что оказался в вашем, коллега, сундуке. Ведь сэр Исаак, как всем известно, начисто лишён чувства юмора.

Оставаясь и в призрачном виде бездумным приверженцем православного обрядоверия, Авдей Петрович далеко не сразу переварил услышанное. Результат своих размышлений выдал на гора в следующем виде:

– Похоже, вы, гражданин учёный, скоро будете освобождены. И было бы бессмысленной жестокостью, полагаю, оставить при этом меня в сундуке.

– Беда в том, – неохотно ответила ему жертва Ньютона, – что в Астрале весьма своеобразное представление о времени. Да-с. Уж лучше постараюсь я припомнить кое-какие табличные данные и рассчитаю, через сколько лет наши магниты, обычные стальные, разрядятся до нуля.

Однако выйти на свободу узникам довелось уже через несколько дней, когда изгнанного из Астрала оторвали от расчётов явно сверхсхемные шумы. Он тотчас же сообщил новость глуховатому, как оказалось, соседу, и теперь они уже вдвоём стали прислушиваться к стукам, протяжным шорохам, грохоту тяжёлых сапог грузчиков и их ругани. Дошла очередь и до кладовки. Сначала лязгнул замок, а потом скрипнули петли. А вот и крышка сундука откинулась, глухо стукнувшись о стену.

Тотчас же оба призрака выпрыгнули наружу и замерли, ослеплённые. Только и различило привидение домохозяина, что белый свет и в нём ангела в белых одеждах. И спросил ангел громким шёпотом:

– Тю! Куда ж это вы? Я же только посмотреть хотела... А ты, Васька, как тут оказался? Ты же тогда... того... Ой!

Тут ангел, только что проделавший вульгарный жест повешения, повернулся к двери, легко щёлкнул выключателем, захлопнул дверь, навесил крючок. И в жёлтом свете электрической лампочки, свисающей на проводе с лохмотьями паутины, налился белый ангел красками обыденной жизни и оказался полненькой молодухой. В маленькой шляпке на коротких волнистых волосах, в светлом костюмчике с почти мужским пиджачком и длинной юбкой, а сидело всё на толстушке, как на корове седло. При всём при том показалась она призрачному Авдею Петровичу весьма привлекательной... Да это ж...!

– Господи, Анка, что же с тобою случилось? – раздался непривычно робкий голос физика-призрака.

– Что случилось? Родила я наконец-то себе ребёночка, Васька, вот меня и разнесло. Но все мужики как сговорились. Что хорошего человека должно быть много, вот какие у них теперича комплименты.

– Совершенно верно! Ты спрашивала, Анка, зачем я с того света вернулся? – трудно выговорил inferнальный поклонник, в пол уставившись. А по лысой голове его и рукам принялись гулять ярко-жёлтые волны. – Неужто сама не догадалась? А чтобы тебя того... приглубить.

Анка вытаращилась. И показалось призрачному Авдею Петровичу, что близко посаженные глаза её вот-вот сольются, и превратится бабёнка в сказочного циклопа. Тут губы её растянулись в лукавой улыбке.

– Да ладно. Я же не отказываюсь. Ежели чего обещала, завсегда своё обещание выполняю. Вы же, гражданин бывший домохозяин, будете у меня вешалкой. И руки по швам! Носом в дверь – и не подсматривать! А ты, Васька, что стал столбом? Давай раздевай меня, распутник, а свои вещички складывай вон в сундук.

– Может, мне выйти погулять? – предложил для порядка третий лишний.

– Куда в таком зелёном виде? И с таким голосом? Народ пугать? Чтоб милицию вызвали? Носом в дверь, я сказала, этого за глаза станет.

И на плечо ему упал бостоновый пиджачок, на второе – юбка, а по кладовке пахло ароматом духов «Любимый букет императрицы», вот только, если бы напомнил кто тогда, что теперь они называются «Красной Москвой», призрак Авдея Петровича не понял бы ни слова, а только замычал бы в ответ – до такой степени привлекли иные, живые ароматы, и завладело им зрелище. Разумеется, не отвернулся он к двери, а только закрыл глаза. Анка, оставшаяся в одной шляпке, не знала, что Авдей Петрович теперь прекрасно видит сквозь веки, а зеленоватый оттенок только придаёт увиденному обаяние утончённой пикантности. Да к тому же толстушка продолжала, словно десятник на стройке, командовать партнёром. Потустороннему созерцателю, само собой, при этом кое-что припомнилось из сокровенного общения с его драгоценной Машенькой, после рождения дочерей тоже несколько располневшей. Но им с женой и в голову бы не пришло устроить любовный поединок в кладовой – и стоя, уподобляясь лошадям. Увы, наблюдения недолго продолжались: афронт случился с некстати предприимчивым призраком учёного.

– Оно и к лучшему, а то подзалетела бы я... таким голубеньким... Чем это я подзалетела бы, миленький? – бормотала Анка, одеваясь. – Я тут с вами завожилась, мальчики, как бы грузчики моего Виленчика вместе с манежем не вытащили...

– Потусторонним эмбриончиком, – убито буркнул ухажёр. – И это вряд ли.

– Спасибо, Васенька, позабавил... Эфиопчиком, говоришь? А свою голову, миленький, в следующий раз рукой придержи... В следующий раз? Гм... Я и позабыла, мальчики, зачем пришла. Всех нас, жильцов, из квартиры выселяют. Я выкричала комнату не хуже на Плющихе, спасибо сталинскому Моссовету, а кое-кто оказался в Марьиной роще. Всё-таки обидно, знаете. Всем говорила для форса, что живу в особняке, а уж потом уточняла, что в коммуналке.

– А с чего бы это переселение народов? – прозвучал сине-зелёный Авдей Петрович.

– Разве я ещё не сказала, мальчики? Сейчас идёт капитальный ремонт в здании НКВД на Лубянке, и сюда будет переведены на это время чекисты из одного отдела.

Призраки переглянулись. Уже несколько притухший Василий, в семейных трусах и носках на подтяжках, кивнул коллеге и повернулся к Анке.

– А зачем ты пришла ко мне, то есть в кладовку? – спросил он.

– Какое, милая, у нас число сегодня на дворе? – спросило привидение Авдея Петровича.

– Знаете, мальчики, жалко было бросать ещё очень хороший сундук. Я и хотела посмотреть, сидит ли в нём по сих пор призрак. Если пустой, забрала бы с собою. Если бы увидела, что вы, гражданин вешалка, остались в нём, – тут она одарила призрака Авдея Петровича влажным, с поволокой, взглядом, – я бы придумала, как поступить. А заранее, без толку, зачем было голову ломать? А сегодня четвёртое сентября тридцать шестого года, пятница. Идёт третий год второй пятилетки.

Призраки снова переглянулись. Один в тот момент галантно подавал Анке её пиджачок, второй натягивал штаны.

– Мы остаёмся здесь, Анка. И сундук нам оставь. Тебя мы ни при какой погоде чекистам не выдадим, – изложил призрачный Василий их общую позицию. И добавил. – А теперь найди, пожалуйста, и принеси мне отвёртку.

IV

В субботу, хотя квартира стояла уже пустая, новые хозяева так и не появились. Скорее всего, жильцы из страха перед ними очистили комнаты и кухню ранее указанного срока, а чекисты, тоже ведь люди, не захотели разбазарить на переезд свои предвыходной и выходной дни. Пользуясь небывалой свободой, привидения шлялись по гулкой от пустоты квартире,

засовывая мерцающие носы в каждую дверь. Света в тёмное время суток не зажигали, сидели на сундуке впотьмах и обсуждали своё новое положение. Вначале призрак Смагина порывался тотчас же, была не была, отправиться в адресный стол, однако был удержан коллегой, утверждавшим, что другого такого случая насолить чекистам не представится. Явно огорчённый своей любовной неудачей, призрак физик бубнил, что Авдей Петрович, умерщвлённый в силу абсурдной логики «красного террора», просто не понимает, каково это, годами жить под тягостным психологическим прессом, в ежедневном ожидании ночного ареста. Ну и пусть пострадают совсем не те ублюдки, которые их двоих угробили! Мстить надо всей корпорации заплочных дел мастеров. А гневливого и злопамятного его товарища по несчастью и уговаривать особенно не пришлось.

Утром в понедельник дождались. На тихой улице загудели двигатели грузовых авто, раздалась команды разнокалиберного начальства. И не успела хлопнуть дверь на крыльце, как призраки закрылись в кладовке, забрались в сундук, опустили над собою крышку, а в ней уже была расправлена изнутри старая, ни на что больше не годная штора, забытая или брошенная на окне в одной из опустевших комнат.

Их уловка удалась. Заглянул в кладовку, судя по хриплому голосу, младший командир войск НКВД, и сундук не избежал его начальственного внимания. Откинув крышку, красный унтер не стал возвращать её на место, а заорал:

– Сидоров, мать твою! Вот дополнительное помещение для каптёрки! Весь запас ИПП – в укладку! Противогазы разгружай сюда же, на стены вешай и сверху укладки! Шевели циркулями, ракло!

Когда почувствовал изгнанник из Астрала через штору, как сыплются на него десятки индивидуальных перевязочных пакетов, вдруг представилось ему, что вот таким же манером чекисты устраивались бы где-нибудь в Брюгге, если бы мировая революция всё-таки произошла. А привидение Авдея Петровича, услышав, что Сидоров стукнул дверь, тотчас же просунуло руку сквозь слой плотных белых мешочков и вздохнуло облегчённо: выбраться труда не составит.

Исполняющий обязанности начальника Шестого, научно-технического отдела НКВД старший лейтенант госбезопасности Носков расположился в новом кабинете не прежде, чем тот был полностью меблирован, а также снабжен телефонной связью и несгораемым шкафом. Молодого ещё, но уже упитанного руководителя совсем не огорчал ремонт на Лубянке: на службу и домой его отвозил мотор, а кантоваться со всем отделом в некотором отдалении от начальства представлялось во многих отношениях удобным.

Первый служебный день на новом месте благополучно заканчивался. Носков уже спускался с вычурного крыльца, опасливо ступая на нелепо изогнутые мраморные ступени, а двигатель авто, старинушки «Паккарда», уже зачихал, затрещал, потом застучал ровно, когда в воздухе повеяло неприятностью. Носков моментально приставил ногу, мобилизовался – и почти сразу же сообразил, в чём закавыка. В штыке часового у входа, вот в чём. Точнее в пропусках, наколотых на этом штыке. А если ещё точнее, вовсе не пропуска там наколоты...

Часовой, а эти обязанности выполнял красноармеец внутренней охраны Черненко, вытянулся в стойке «смирно», но имел чересчур уж бледный вид. Носков скользнул к нему и стащил с дрожащего штыка верхнюю бумажку. Оказалась она половинкой книжной страницы, оторванной весьма небрежно. Оседлал начальник нос буржуйским пенсне и прочёл про себя, но шевеля губами:

Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,

Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Что за чушь! Мало того, что антисоветская пропаганда, да ещё у стихотворца-неумехи травы «косимые». Тьфу! Плюнул Носков. Если и растерялся железный чекист, то на секунду. А размышлял – так даже короче минуты. Но за эту минуту его подчинённые дружной плотной толпой обтекли своего начальника и разбежались по домам. Носков кивал в ответ на прощальные приветствия и козырял в ответ на отдания чести. Он никого не задерживал: в руководимом им отделе произошло ЧП, а чем меньше сотрудников будет в нём замешано, тем лучше.

Носков подозвал к себе водителя. Заявил небрежно, что отпускает его, а домой доберётся сам. Но чтобы завтра в восемь под окнами квартиры был как штык! Тут испытал он странное предчувствие, словно не нужно будет ему завтра авто. А вот сегодня заставить Широкова ждать, пока он освободится, никак нельзя: ещё растреплет в гараже, что здесь творится. Носков подождал, пока отъехал «Паккард», но не успела рассеяться бензиновая гарь, как он уже подступил к часовому:

– Черненко! Ты арестован! Отдай мне винтовку и вызови начальника караула!

Часовой, по-прежнему белый как мел, только вытягивался и пожирал вытаращенными глазами начальство. Носков, в армии никогда не служивший, вдруг припомнил, что по караульному уставу часовой на посту и разговаривать с ним не имеет права, не то что оружие отдать. Ещё пальнёт с перепугу! Чертыхнулся Носков и сам поспешил в караульное помещение. Начальник караула кандидат на звание сотрудника Евсеев крепко спал на полатах. Не сразу он понял, этот крепыш с фельдфебельскими усами, чего хочет от него насупленный Носков, однако, прочухавшись, моментально заменил Черненко на подчаска, а в распоряжение начальства мигом предоставил и проштрафившегося часового, и его винтовку.

Носков приказал отнести винтовку и отконвоировать Черненко к своему кабинету, а сам отправился в сортир: ведь он уже вспомнил, где видел похожие страницы из книжки со стишками. Его наихудшее предположение подтвердилось: сегодняшние пропуска обнаружались на гвозде над унитазом.

Снимая секретные документы с гвоздя, Носков потянул носом: приемлемый, в общем, штатский запах коммунального туалета успел за день смениться обычными ароматами солдатского сортира. Но вдруг такая безумная вонь нахлынула, что возмутился начальник: ведь просто нечему было засмердеть настолько во вверенном ему отделе самого важного в СССР государственного учреждения! Тут заверещало, заулюлюкало прямо за спиной у него, а дверь сортира с жутким грохотом захлопнулась. Неужто английские империалисты без объявления войны сбросили десант в самом, почитай, центре столицы пролетариев всех стран? Неужели пустили секретные смертельные газы? А потом раздались из коридора звуки, заставившие Носкова вспомнить тёмные слухи о разработках психического оружия, а вслед за тем выбросить из головы всякие мысли, а просто тихонько подвывать от страха.

Там, в коридоре, Евсеев сидел себе, позёвывая, на одном из стульев, поставленных для посетителей под стеной у кабинета начальника. В правой руке Евсеев держал злополучную винтовку, а перед ним стоял навтыжку Черненко. Впрочем, ужасные и невообразимые в стенах отдела вой и громовое улюлюканье заставили начальника караула подхватиться на ноги, а красноармейца упасть на стул. В отличие от Носкова, оба были сызмальства воспитаны в натуральности народных суеверий, поэтому сразу же догадались, откуда ветер свищет. Из пекла, вестимо, потому что стало в коридоре невыносимо холодно. А зловоние распространилось

не хуже, чем от выгребной ямы в расположении старорежимной Ставки Верховного Главнокомандования под Барановичами. Яму эту Черненкову пришлось некогда чистить под началом покойного бати.

А там и явились в противоположных концах коридора сразу два привидения. Оба в гражданском, оба зелёно-синие и почти совсем прозрачные. Оба растопырили руки, словно хотели заключить чекистов в объятия. Служивые остолбенели. Евсеев, стриженный под полубокс, почувствовал, как волосы у него встают дыбом, поднимая фуражку.

– Тот зелёный старик... То он забрал пропуска... Подвёл меня под монастырь... – забормотал Черненков. И заплакал.

– Не реви, умри красноармейцем и чекистом! – отрезал Евсеев. Выматерился замысловато, упомянув ни в чём не повинную матушку Черненкова, а также честную красную казачку, родившую инспектора кавалерии РККА товарища Будённого. – Расстрелянные... Энти не помилуют, Черненков.

Евсеев повернул винтовку прикладом вверх и подошвой сапога счистил со штыка на пол бумажки-помехи. Призраки, быстро приближаясь, ответили на это невесёлым хохотом. Лысый, с головой набок, заметил:

– Нет, чтобы воспользоваться случаем и поэта-гражданина почитать, культурки поднабраться.

– Многого вы от унтера захотели! – провизжал старорежимный, с козлиной бородкой. – Читать – это не беззащитных заложников убивать!

Евсеев на это только квадратными плечами пожал. Перевёл трёхлинейку в положение для стрельбы, повернул курок по часовой стрелке, передёрнул и навскидку пальнул в правый призрака, потом повернул винтовку влево и, сделав молниеносный выпад, пронзил штыком второго противника. Дёрнул винтовкой назад, одновременно передёргивая затвор – и замер в готовности. Призраки остались на своих местах и взорвались новой порцией унылого хохота. Лысый, тот ещё и в ладоши хлопал.

Отсмеявшись, зелёный старик закатил глаза. Пожевав синими губами, раскрыл рот и показал на языке пулю, обычную остроносую от трёхлинейки. Сухо щёлкнул языком – и она упала на пол, стукнулась и подкатилась под сапоги Евсеева. Черненков уставился на пулю безумным взглядом.

– А я вот, коллега, хочу провести эксперимент. Я его, можно сказать, ещё в детстве задумал, – заявил лысый, повернул винтовку стволом к себе и, беззаботно насадившись на штык, засунул указательный палец в дуло. И – Евсееву. – Стреляй, командир! Или ждёшь именного приказа из Малого Совнаркома?

– Мало я вас, вредителей, перестрелял! – рывкнул Евсеев. Усатое лицо его исказилось, толстый палец решительно потянул за спуск.

Винтовка не выстрелила – она разорвалась. Ствол раздуло, а затвор выбросило из ствольной коробки, и он, сокрушив передние зубы, вонзился Евсееву в глотку. Обломки жёлтых зубов кандидата в сотрудники посыпались на пол и на изуродованную винтовку, а за ними, сложившись сперва пополам, свалился и он сам. Подёргал ногами, простонал жалостно и замер. Лужа крови, натёкшая под его головой, больше не увеличивалась.

– Я вовсе не собираюсь меряться с вами техническими познаниями, коллега, – заговорил зелёный старик визгливо, – но всё-таки я некоторое время, весьма недолго, увлекался ружейной охотой. Не мог взрыв винтовочного патрона быть такими мощным, уж вы меня простите, голубчик.

– Ой, подловили вы меня, – сделал вид, будто смутился, лысый призрак. И вдруг подступил к вжавшемуся в спинку стула Черненкову. – А ты, мразь, только посмей мне навалить в штаны. Твое дерьмо нам понадобится, запомни!

– Сиди и жди нас, служивый. Мы сейчас сходим и разберёмся с твоим подчаском. Сиди не рыпайся, если желаешь, чтобы и тебе подарили скорую смерть, – счёл нужным пояснить старик. И обращаясь теперь ко второму призрачному диверсанту, спросил о вовсе уж непонятном Черненкову. – Я ведь не ошибся, этот молодой толстяк оказался вашим знакомым?

– Вот именно! По теории вероятности такое совпадение весьма неправдоподобно, почти нонсенс, но здесь распоряжается вот именно тот следователь, что допрашивал меня в тридцать третьем. Вполне возможно, в тех краях, откуда мы прибыли, математические законы статистики действуют иначе. Но почему бы мне не принять с благодарностью этот дар судьбы?

– Уступаю вам краснопузого со всеми потрохами. Хоть с кашей съешьте, хоть в борще сварите. А мне оставьте всех скотов в малых чинах. Эти-то точно сами расстреливали. С унтером вы поспешили, да и с его винтовкой тоже, а вот эту мразь я имею желание порешить точно таким манером, как со мной разделались в восемнадцатом.

– О чём речь? В караульном помещении ещё две винтовки.

Беседуя как ни в чём не бывало, привидения скрылись за дверью караулки. К великому изумлению дрожащего Черненкова, их не остановила грозная табличка «Вход строго воспрещён!». Красноармеец внутренней охраны хотел сорваться со стула и бежать куда глаза глядят, но его ноги, каждая винтом вокруг ножки стула, не пошевелились. Тогда воззвал он, истово перекрестившись:

– Богородице-дево, царица немецкая, сохрани меня от всякого зла и покрой честным твоим семафором!

И было ему видение. Прямо из потолка ведомственного коридора спустилась Богородица в таком же виде, как виденная Черненковым в церкви на Царских вратах. Погрозила она тонким пальчиком и промолвила:

– Поди помолись своей Розочке Люксембург, дурак!

Исчезла дева Мария, конечно же, только пригрезившаяся суеверному Черненкову, а ужасные призраки вышли, один за другим, из караульного помещения. Мерцающий зелёным старик нёс под мышкой винтовку со штыком в свежей алой крови, а лысый с головой набекрень алчно потирал руки.

Вот они уже у двери туалета. Дёрнул лысый за ручку, переглянулся со стариком, потом прошёл сквозь дверь вовнутрь и откинул крючок. В туалете встретил призраков рокот воды, набиравшейся в бачок, и Носков, встающий им навстречу с унитаза и застёгивающий синие бриджи.

– Есть ситуации, перед которыми полезно предварительно опорожнить кишечник, – пояснил как будто в пустоту. И вдруг рыкнул. – Ну, так чего вам от меня надо, враги народа?

– Разве ты не узнал меня, палач? – продекламировал лысый с театральным надрывом. – А угодно мне, чтобы ты повесился на своей портупее. Марш в кабинет, чекист недоделанный.

Носков учуял, что бывшему подследственному неловко, и приободрился. На очень короткое время приободрился, на несколько секунд всего – это пока до него не дошёл смысл требования самоубийцы.

Посторонились призраки, и Носков прошествовал к кабинету. По дороге бормотал:

– Палач? Не там ищешь палачей... Если бы арестовал я тебя, слюнявый интеллигентик, прямо на допросе, сохранил бы тебе жизнь на полгода, не меньше. Я из-за тебя до сих пор повышения не получил, козёл...

– Ключи!

Пожал плечами Носков, достал из кармана ключи и открыл кабинет. Юркнул в середину и заперся. Призраки, по одному просочившись сквозь дверь, последовали за ним.

Носков, стоя у стола, придвинул к себе новомодный телефон и принялся терзать его диск. Призраки переглянулись, и бывший физик заявил:

– Нечего дурью маяться! Ключи сюда мне!

Чекист грохнул телефоном об стол. Застыл, злобно щерясь. Тогда призрак Смагина выпалил из винтовки в портрет товарища Менжинского. Стекло разлетелось, а рамка с фотографией и картонкой рухнула на пол. Передёрнул затвор призрак и теперь прицелился в левое плечо чекиста. Тот густо покраснел, сразу же побледнел и бросил ключи на столешницу.

Ключ с фигуристыми вырезами подошёл к несгораемому шкафу. Всё содержимое железного ящика призрачный Василий сложил в кучку на паркете, оставив на полочках только револьвер, коробочку патронов, пачку контрабандных французских презервативов и бутылку коньяка. Повернулся к коллеге – и тот, кивнув лохматой головой, окаймлённой выпусками холодной плазмы, привёл бледного Черненкова и в коротких народных словах пояснил, что надо делать. К секретным документам тем временем присоединились помятые и порванные портреты Менжинского и Сталина.

– Отчего эти кровососы все такие усатые? – изумился призрак домохозяина.

– Любимцы народа. Много ли вы припомните безусых императоров? Поверите ли, когда снимал со стены товарища Сталина, даже у меня дрогнула рука.

Черненков напрасно тужился, рыдая и размазывая слёзы кулаком по щекам. Его начальник скрипел зубами. Едкий запах пота смертельно испуганных мужчин едва не перебил потустороннее зловоние.

– Ладно, поднимайся, бестолочь! – прикрикнул призрачный Авдей Петрович. Достал из несгораемого шкафа початую бутылку с коньяком и полил бумажную кучку жёлтой жидкостью. Бутылку вернул на место. – Думаю, даже Нат Пинкертон побрезговал бы приняться.

– Да, согласен. От такого безобразия не отмоешься, – отрешённо вымолвил на глазах осунувшийся чиновный толстяк. – Только дайте мне мой револьвер или, на худой конец, винтовку.

– Револьвер? Отказать! – ответил ему мститель и привычным движением руки подвинул голову на место. – Я требую удовлетворения согласно зеркальному принципу древнего права. Око за око, зуб за зуб! Давай, расстёгивай ремень и отсоединяй портупею.

– Возьмите мой ремень, товарищ старший лейтенант госбезопасности, – это Черненков протянул свой. – Он покрепче будет.

Остальные присмотрелись – а на внутренней стороне ремня белой краской начертано: «Обнимет крепче любимой мамули». Носков отшатнулся.

– Не пойдёт, служивый, – покачал головой призрак физика и повернулся к своему обидчику. – Вон убитый вашими заложник с удовольствием прострелит тебе, гад, сам знаешь что, если не повесишься тотчас же на своей портупее. Привяжи её ко крюку для люстры: строитель особняка поручился, что выдержит и такую толстую свинью, как ты.

В конце концов испытали-таки призраки сомнительное удовольствие посмотреть, как толстяк станцевал в воздухе довольно бойкий, хоть и бестолковый танец. Вот последнее па, и мститель хотел было заглянуть танцору в лицо, но не стал. Для виду заставил себя поаплодировать. Пробурчал:

– Что-то не получил я большого удовольствия, коллега. Как давно уже замечено, мечта куда приятнее, чем её исполнение. Да-с.

– Это смотря какая мечта, пожалуй, – дипломатично прозвякал полупрозрачный Авдей Петрович. – Если вы о беззаботном предвкушении выпивки, соглашусь. Однако если мечтаешь обнять своих близких, утолить чистые родственные чувства, тогда едва ли. Странно, но мне как-то расхотелось казнить солдатиков. Этот вот совсем поседел и, похоже, спятил. И ещё один, тот караульный, что его заменил, до сих пор торчит, небось у входа.

– Да леший уж с ними, – махнул рукой его товарищ. – Нам самим пора мотать отсюда. Против всей московской конторы нам двоим не устоять, коллега.

– Пожалуй, я согласен. Неужели не найдём для себя уголок? Есть же конюшни, давно опустевшие, деревянные сараи в домах, подключённых к центральному отоплению. А на худой конец, в Кремле достаточно нежилых подземных ходов. Освоимся, и навещу я адресный стол.

Поищу-таки своих женщин. Чует моё сердце, что нет их в Москве, но как отец и муж, хоть и неживой, должен ведь сделать всё, что в моих силах... А ведь этот недобитый может подслушать нас...

– Едва ли. Вон какие слюни пускает... Эй, служивый, бери свою винтовку и катись отсюда подобру-поздорову.

– Так точно, гражданин призрак, – отковырял болезный. – Только это не моя винтовка. Моя – № БГ 482, гражданин призрак.

– Гм... Ну, так найди свою. Пшёл отсюда!

Черненко отковырял снова, развернулся по строевому уставу и, печатая шаг с винтовкой на плече, убрался из кабинета. Призраки вслед за ним покинули осквернённую повешенным комнату. А изгнанный из Астрала вздохнул, припомнив, как завидно проводил в ней внеслужебное время бухгалтер Лёвка Кацман, по жизни удачливый бабник, гуляка и душа компании.

У труп Евсеева Черненко чётко приставил ногу. Аккуратно прислонил чужую винтовку к стене. Потом упёрся сапогом в лоб мертвеца и с усилием, двумя руками выдрал из горла затвор. С горем пополам приставил к треснувшему ложу своей винтовки и взял её на плечо. Кровавый затвор тут же выпал, но Черненко продолжал печатать шаг.

– Так неужели мы уйдём, а квартиру не сожжём? – трагически спросил призрак Василия.

– А то! Я тебя, любимый мой особнячок, для себя и родных своих поставил – я тебя и сожгу. Как жаль, что тогдашний городской голова не разрешал вокруг Кремля деревянную застройку! Полыхнул бы теперь мой терем, как свечка!

– Ничего, чекисты на кухне разогревали бачки с едой, стало быть, и керосин найдётся. А устроить электрическое замыкание мне раз плюнуть.

– Вот только сундук, коллега, давайте прихватим с собой: будет моей последней памятью о прежней жизни. Ведь остатки мебели из особняка бывшие жильцы увезли в свои новые конуры.

Через несколько минут светящиеся зелёным призраки появились на крыльце, с двух сторон держа за ручки пресловутый сундук.

– Стойте, кто идёт! – заорал караульный. – Куды тащите казённое имущество? Стрелять буду, архаровцы! Ишь какие, фосфором намазались, бандиты!

Призраки промолчали и частью протиснулись мимо часового, безуспешно пытавшегося справиться с трёхлинейкой, частью прошли сквозь него и его оружие. Но вот их сундук опрокинул энкаведиста-недоумка в пыль, прибитую незаметно начавшимся дождём. А призраки остановились, чтобы полупрозрачный Авдей Петрович попрощался взглядом со своим особняком. Как любовно выстроил его в прихотливом стиле модерн, и то же крыльцо каким получилось изысканным! Тут начали лопаться стёкла, из окон пошёл дым, вслед за ним взметнулись языки пламени. Караульный вскочил с тротуара, протопал на крыльцо и скрылся внутри особняка.

Донеслись, тюкая деловито и коротко, удары колокола с ближайшей пожарной каланчи. Призраки обменялись жёлто-зелёными ухмылками и продолжили путь.

Леополис-64: Под знаком Муравейника Род Велич

*«Мы сами должны стать теми переменами, которые хотим
увидеть в мире»
Махатма Ганди*

1.1

– Значит, ты хочешь, чтобы я обокрал Цитадель? – Спай в упор посмотрел на Розу.

В «кафе без гаджетов» он не боялся прослушки. Уютный подвальчик, свет керосиновых ламп, живые официанты вместо автоматов. Лишь ламповый ретро-телевизор бормотал обращение мэра на канале городских новостей, но его заглушала живая музыка. Отличное место, чтобы поговорить о делах и отведать запрещенного абсента или фуа-гра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.